

A man with a beard and short grey hair, wearing a light blue button-down shirt and khaki pants, stands on the left. He is looking towards a pregnant woman on the right. The woman has long blonde hair and is wearing a dark blue long-sleeved shirt tied at the waist over a grey and white striped dress. They are in a brightly lit room with large windows in the background.

не Мама
НА ВРЕМЯ
ЕВГЕНИЯ МЭЙЗ

Евгения Мэйз

Мама (не) на время

<https://litres.ru/74207467>

Аннотация

Бумажная книга на ВБ И ОЗОН

АУДИО версия в приложении ЛИТНЕТ АУДИО и на Литрес
- Он подойдёт через пару минут. Повтори ещё раз! - Эвелин! Она задрала своими фобиями и перекладыванием с больной головы на здоровую. - Или, уходи! Может быть это мой шанс свалить и не ввязываться это? Но я остаюсь. Мне нужна эта "работа", эти деньги, возможности! - Я ни за что и никогда не взгляну на твоего мужика, - говорю я, чувствуя себя максимально глупо при этом. Обещание обещанием, но как быть с тем, что я уже спала...смотрела на этого мужика и не когда-нибудь, а три дня тому назад? - Андрей! Познакомься! Это Аня! Будущая мама нашего ребенка!

[проверено корректором]

#(Не) по любви²

#Мама в отместку

#Мама на фоне измены

#Мой ребенок Тигра

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	65
Глава 8	77
Глава 9	91
Глава 10	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Глава 1

Глава 1

— Что за фигня? — спросила я и не у кого-нибудь, а у вполне конкретного предмета. — Алохомора, блин!

Дверь не открывалась, как бы я ни старалась повернуть ключ и какие бы заклинания-ругательства ни шептала.

— Попробуй «бомбарда», а еще лучше «бомбарда максима», — проговорили в наушнике насмешливым голосом. — Оно мощнее!

— Слав, тебе бы шутки шутить! — вспылила, не понимая его веселья. — Я серьезно не знаю, что делать!

Я психанула, пнув металлическую створку, сползла по двери и закрыла лицо ладонями. Я устала, хочу есть, пить и на ручки, а не вот это вот все. Почему переезды так на меня влияют? Неважно куда я еду и зачем. В Москву или в Беларусь. Отпуск это или смена места жительства. Все одно – я сплошная нервная клетка, не желающая привыкать к тому, что этот мир не стоит на месте и будет меняться всегда.

— Сбрось звонок, — попросила я, раздражаясь сопению младшего брата. — Мне нужно подумать.

Хорошо ему в своей Канаде: вызвал службу спасения, они вскрыли замок, выставили счет и укатили. А у меня так не получится, несмотря на то, что лифт полон наклеек с рекламой подобных услуг. Квартира съемная. И пусть трату в ви-

де установки новой двери мы потянем, но это явно не то, на что хотелось бы тратить свои кровно заработанные деньги.

— Ань, не накручивай себя. — Славка опомнился, добавив голосу серьезности. — Мало ли, чем занят твой благоверный и почему именно не отвечает. Он может быть в метро, на совещании или...

— Давай остановимся на этих двух вещах? — перебила я, зная, как брат относится к моему выбору. Он обязательно добавит что-нибудь еще, что упадет в меня, и я стану думать об этом.

Может быть Валера на совещании, но уж точно не в подzemке. У него теперь служебная машина.

Но все равно я уже накрутила себя, помня о той сраной защелке. Если ее повернуть изнутри, то дверь откроется только двумя способами: главным ключом, которого у меня нет, и болгаркой.

— Собирайся и иди в кафе, — продолжал командовать Славик. — Есть у тебя что-то такое неподалеку?

— Есть.

Я решила последовать его совету, поднявшись с пола.

— Не сиди в подъезде. Не появится твой до десяти часов, тогда вызовешь службу МЧС. Что делать? Вырежешь дверь!

Я поплелась в круглосуточную кафешку неподалеку.

Хотя ее трудно было назвать таковой — дешевая мебель, покрытые клеенкой столы, какой-то невнятный принт на стене, холодный свет. Но пахнет вкусно... Или, скорее всего, это

я очень голодная.

— Мне только таких трат и не хватало. Все деньги вбухали в предоплату за полгода. Валерке обещали выписать подъемные. Как-никак приглашенный специалист.

Такое тоже бывает – столице нужны кадры из региона. Но я до сих пор не верю в это. Кажется, что попала в другую версию реальности. В Москву едут сами, а она никого не зовет!

— Ань, мне пора выходить на работу. Позвоню тебе, как только приеду в офис или на coffee break. Ты, если что, звони, говори, что и как.

Я просидела в кафешке еще полтора часа, попутно пытаюсь дозвониться до своего благоверного, потом до Славки и до хозяйки квартиры. Оставила всем войсы и, скрипя сердцем, набрала номер легальных домушников.

— Стойте! — Соседка материализовалась перед рабочими и заглушила своими криками рев инструмента. — Варвара Никонова запретила! Я не позволю!

Я думала, что соседи в отпусках! Я ведь звонила и стучалась к ней в дверь!

— Нет! — продолжала орать тетка, закрывая собой вход в квартиру.

— Вы что творите, женщина?!

Поведению тетки удивились все. Но она продолжила выступать и скандалила, цитируя слова хозяйки до тех пор, пока она сама не заявила перед нами светлые очи.

Что до меня, то я поразилась произошедшему факту.

Эта Варвара не ответила ни на один из моих звонков, текстовых и голосовых сообщений, но все это время общалась с соседкой!

— Я не обязана отвечать вам, — пояснила женщина, как только убрались ребята в синей робе. — Вы мне никто и звать вас никак.

Убирая кошелек в рюкзак, мои пальцы задрожали.

— Если бы вы ответили мне и сказали, что едете, то я бы не стала вызывать рабочих. Что значит никто? Я с мужем снимаю у вас квартиру.

Тетка взялась за ручку двери, но открывать не спешила.

Траты были лишними, но я не могла оставить рабочих тут и оставить без внимания ложный вызов. Сознание уже шепнуло мне не сорить деньгами, но что поделать.

— Я повторяю вам, девушка, что не обязана отчитываться перед вами, — продолжала говорить высокомерная женщина, загремев ключами, выуженными из кармана кофейного пальто, — даже несмотря на то, что еще недавно вы были моими квартирантами.

Были? Как это?!

— Что вам нужно от меня? Что-то забыли в моей квартире? Отвечайте!

— Вещи, — как-то тупо ответила я, не сразу придя в себя. — В смысле мы были вашими арендаторами?

Оказывается, что Валерка позвонил ей накануне, попросил вернуть залог за пять месяцев и ничего не сказал мне.

Ни вечером, ни утром, ни по телефону, ни в смс.

Факт обмана был на лицо, но только я не желала верить в него, не понимая смысла этого поистине экстравагантного поступка. А он был таким! Зачем ему понадобилось делать это? У него хорошая работа... Или нет? Может ему срочно понадобились деньги? Поэтому он скрыл это от меня? Да, я бы убила его, когда бы узнала. Убью, когда он объявится, не только за деньги, а за все, что он заставил пережить!

— То и значит, что были. Валерий Павлович позвонил этим утром. Дико извинялся...

Тетка презрительно фыркнула. В этом жесте так и сквозило: «Знаю, я таких галантных, а на деле быдло быдлом!»

Стало стыдно за поступок муженька, но только на минуточку. Я напомнила себе, что моей вины здесь нет ни в чем, что с этой минуты именно я пострадавшая сторона.

— Хотел, чтобы я вернула все деньги. А кто убирать за вами будет? А главное, на какие шиши?

Я не понимала, что происходит. Оставалась надежда на то, что Валерка оставил вещи. Правда я не представляла, куда пойду с двумя чемоданами, пылесосом, любимой кофеваркой и не менее обожаемым мной тостером, который прислал Славка из-за бугра.

— Зачем? — продолжала допытываться я, обходя женщину то с одной, то с другой стороны. — Он сказал, почему решил съехать? — Я схватила дверь, не давая захлопнуть ее перед моим носом и требуя ответов.

— Девушка!

— Андромеда, — представилась я, хотя это было совершенно ни к чему.

— Мне без разницы, как вас зовут...

Она замолкла, окинув меня оценивающим взглядом.

Я не усмехнулась, как в прежние времена, заметив это.

Всех волновало, а настоящее ли это имя, а не псевдоним ли, никнейм, сценическое прозвище и прочее, прочее, прочее.

— Вас правда зовут Андромеда?

— Да.

— Какое интересное имя, — проговорила женщина и все-таки отпустила ручку.

— Имя как у стриптизерши, — подала голос, наблюдающая за нами бабка, — или проститутки!

Она не ушла, а продолжала стоять в двери своей будки.

— Даже интересно, откуда вы так много знаете про них? — откликнулась я на полном автомате. — Прошрое не отпускает, а опыт не пропьешь?

Тетка вновь усмехнулась. На этот раз весело, а потом посторонилась, пропуская меня вовнутрь.

Правда, она не предложила мне пройти, выпить чаю или еще что-то.

Варвара Никоновна остановилась в коридоре, поставила сумку и вынула из нее папку с документами, нашла нужный и сунула его мне в руки.

— Смотрите! Он разорвал договор! Вот подпись. Вот расписка. Вещей ваших тут нет!

Подпись Валерки и правда была, а вот вещей не было!

— Надо смотреть с кем связываешься! Сейчас такие мужики пошли, не чета нашему поколению.

Я села на пуфик, прижав к себе рюкзак, в котором внезапно оказалась вся моя жизнь: личные документы, резюме, флэшки, зарядка, power-bank[1], крем от угревой сыпи, какая-то косметика, пробник духов и купленные в магазине трусики.

Как знала, что окажусь в такой ситуации.

Но это было неправдой. Просто я решила обновить повседневный гардероб. Гардероб, блин!

— Ну, что вы сидите? — поторопила женщина, забрав из моих рук бумаги. — Вставайте!

Я поднялась, лихорадочно соображая, куда идти в столь поздний час.

— Мне пора.

— Варвара Никоновна, прошу прощения, что сорвала вас из дому и заставила примчаться сюда в столь поздний час, — начала я, с трудом удерживая подступившие к глазам слезы. — Я понимаю, что о многом прошу, но вы, может быть, разрешите переночевать здесь эту ночь?

Тетка качала головой из стороны в сторону, но я продолжала говорить, решив бороться до конца.

— Это исключено! Завтра придут смотреть квартиру.

Нужно, чтобы все было в порядке!

— Мне некуда идти. В Москве у меня нет никого. Я обещаю, что уйду утром. Хотите, возьмите мой паспорт, чтобы быть уверенной, что я не обворую вас или сделаю что-то. Я все приведу в порядок, и у людей останется ощущение, что здесь живут. — Я говорила по чистому наитию. — Вы же знаете, что охотнее вселяются в те дома, где чувствуются люди, а тут сразу видно, что красиво и модно, а жильцов как будто и не было никогда.

Это было правдой.

Я, как только приехала, а это было меньше недели тому назад, удивлялась, как Валерик мог снять такое «холодное» жилье. Дело было не в температуре, а в том, что интерьер был похож на фотографию из дизайнерских журналов: пусть красиво, но себя в нем не представляешь от слова совсем.

Лучше бы представляла!

— Пожалуйста! У вас ведь доброе сердце.

Нет. У этой высокомерной женщины, квартира которой полностью отражала ее саму, его отродясь не было, но... Мои слова понравились ей. Видимо я первая, кто сказал ей нечто подобное.

— Один день! Один! Даже ночь! Но утром! Я приеду в девять, и вы должны уйти, Андромеда. Не забудьте про порядок.

— Хорошо. Спасибо вам! Я никогда не забуду вас и вашу доброту.

Я кивала, ощущая, как свечусь от счастья.

Хотя бы эту ночь у меня будет крыша над головой, а завтра я придумаю что-то еще. Правда, не знаю что. Пока не знаю.

Я закрыла дверь за хозяйкой квартиры, которая забрала с собой ключи, а потом вновь села на знакомый мне пуф, потупив минуту, подключила смартфон и набрала телефон брата.

Он был моей надеждой. Славка мог поддержать, помочь советом, деньгами и даже со знакомствами.

Слава уже сделал это. Он помониторил компании, которые искали IT-специалистов, узнал, кому стоит доверять, а кому нет, и даже обеспечил рекомендательными письмами. Но истина в том, что в России относились с недоверием к девушкам с этой сугубо мужской профессией. Все, что мне предлагали на данный момент, так это работу в технической поддержке первой линии. И все это с зарплатой, которая будет хороша в какой-нибудь Мухосрани.

Я не надменная и всерьез стала задумываться над тем, чтобы устроиться в несколько компаний, работать на удаленке и горя не знать. Только теперь обозначилась новая проблема – мой ноутбук ушел вместе с Валерой.

— Вызываемый номер недоступен. Вызываемый вами номер не доступен. Вызываемый вами номер недоступен...

Мне не отвечал Слава. Мне не отвечал придурок муж.

Это повторялось снова и снова.

Я, в конце концов, бросила свое занятие, отправившись

в душ, после которого продолжила атаковать телефоны родных и близких мне людей, выпила чаю с украденной галетой и, окончательно вымотавшись, легла спать.

[1] Портативное зарядное устройство.

Глава 2

Глава 2. *Андромеда*

Я не знаю, как мне удалось уснуть. Сон не шел, хоть я и твердила себе, что усталость — последнее, что мне хотелось бы иметь с самого утра следующего несомненно трудного дня.

— Давай же! Пожалуйста! Я прошу тебя!

Кажется, что я всю ночь просмотрела в экран телефона, шепча дергающемуся ярлыку трубки все одно и то же, чтобы Славка не игнорировал, а ответил мне. К уже имеющимся мрачным мыслями о беглеце муже прибавились еще одни: не случилось ли ничего с братом? Он никогда не игнорировал меня и, если уж не мог ответить, то просто присылал шаблон: «Я занят. Отвечу позже. Надеюсь, не случилось ничего страшного?» Не произошло ничего не поправимого. Надеюсь на это и верю, что все обязательно разрешится рано или поздно. Но мне нужен был его голос, в котором обязательно прозвучали бы привычно жизнерадостные и успокаивающие меня интонации.

Но это был лишь прозрачный и весьма выматывающий сон, в котором как обычно видится все как наяву.

Понятно дело, что я так не считала и думала, что не сплю, но ровно до тех пор, пока вдруг не проснулась, сверила две картинки, не нашла светящегося смартфона и не осознала,

что меня обнимают, прижимают, тискают и даже раздевают.

Ну, как проснулась?

Сначала все воспринималось, как навь. В гостях у Морфея не удивляешься эротической составляющей. Просто принимаешь ее как данность и иногда ловишь себя на мысли: «Получится в этот раз дойти до самого конца? Или этот единственный выживший божок из греческого пантеона вновь продинамит меня, заставив проснуться утром злой, неудовлетворенной и видящий фаллические символы везде и всюду?»

— М-м-м, — простонал гипотетический любовник мне на ухо. — Какая же ты вкусная!..

Перед глазами было все еще темно, но развевалась штора от приоткрытого окна, пропуская в комнату яркую полоску света фонаря, позволяя различитьдвигающиеся по телу мужские руки.

— Еще! — прошептала я неожиданно для самой себя, когда меня прижали к разгоряченному паху. — Пожалуйста, еще!

Движение было таким уверенным, сильным и нетерпеливым, что свело с ума, заставив забыть обо всем. Оно отозвалось в мозгу стайкой переполошившихся гормонов, нейронов и напряженных нервов, которые тут же разбежались по телу, подали сигналы и заставили забыть обо всем.

— Конечно, — отозвался мужчина, обжегши дыханием кожу плеча. — Повтори это еще раз!

И я выдохнула это снова, простилав, так сладки и вкусны были эти грезы. Такими, как надо. Как хотелось в жизни. Как нужно было для напряженного тела и уставшего мозга, чтобы расслабиться и отпустить все. Проснуться, наконец.

Валерка удивлял. Такого пыла я не наблюдала у него давно. В нашем совместном бытии он как-то быстро перешел от страсти к спокойному стабильному к*ексу. Не плохому, но и не так чтобы ах. Но только не сейчас.

— Пососи, — потребовал он, сначала зажав мой рот ладонью, а потом и скользнув в него пальцами.

Я сделала это, несмотря на первый шок, стыд и возмущение, а потом зажглась, застонала от прижавшегося к ягодицам твердого мужского достоинства и втянула их себя сильнее, как только он вошел в меня, вызвав общий протяженный стон.

Все прекратилось, когда я кончила.

Быстро. Ярко. Сочно.

Скорость разрядки и яркость ощущений поразили меня, это же и привело меня в чувство – Валера не мог так. Если только вдруг не взял и не притворился другим человеком. Это было не в его духе. Последняя наша «ролевка» заставила меня грустить. Это его: «Ну что-то ты хочешь, чтобы я вел себя с тобой, как со шлюхенцией?!» — добило меня. Вот тебе и проститутка в постели! Хотелось спросить, где я должна быть ею. На кухне? Или может в гостях?!

— Вы кто? — спросила первое, что пришло в голову.

Глупый и не нужный вопрос. Какая разница, кем был этот гость? Главное, что не бомж, не наркоман, не маньяк и чтобы убрался отсюда.

— Можно на ты! — проговорили рядом, отказываясь отдать мне одеяло. — После всего, что произошло между нами.

Неизвестный тянул его на себя, стесняясь или просто издеваясь надо мной, а я не могла отступить, потому что одеться было не во что — одежда сушилась в ванной.

— Это более чем естественно.

А прикрыться надо было, прежде чем включить свет и погнать его прочь без выяснения отношений.

— Ничего не произошло! Отпусти!

Кричать об изнасиловании было глупо. Я хотела этого, гнулась, стонала... О Господи, святой ты Боже!

— Отдай немедленно! А еще лучше вставай и уходи!

Борьба была неравной. Силы были не на моей стороне. Я почувствовала себя такой беспомощной, а еще глупой.

— Иди сюда! — позвал обладатель глубокого бархатистого тембра, как будто не слыша меня. — Обещаю, теперь будет дольше.

Я задохнулась от возмущения. Щеки запылали. В груди так и вовсе начался пожар.

Вот это наглость! Он предлагает повторить все, после того как воспользовался моей беспомощностью!

— Поднимайся и проваливай! — рывкнула я, наугад бросившись к шкафу. — Пока я не вызвала полицию!

Я прожила здесь чуть больше недели и еще не могла похвастать тем, что знаю эту квартиру в темноте, как свои пять пальцев. Мне было не до обследования квартиры, вообще не до чего все эти дни. Чего не скажешь об ушибленных мизинцах!

— Полицию? — Мужчина рассмеялся совершенно магнетическим смехом. — Даже интересно, что ты скажешь им?

— Что ты вломился в квартиру, залез в кровать и попытался изнасиловать меня.

Пожалуй, я не с того начала. Вообще не надо было делать этого, но я растерялась. Меня еще трясло от произошедшего. Ноги подкашивались. Что-то мелкое внутри то и дело пыталось пропищать: «Соглашайся!»

Закутавшись в вытянутую с полки простынь (но это мог быть и пододеяльник), я добралась до тумбочки и щелкнула переключателем лампы. Это удалось не сразу. Сперва я просто ударила ладонью, стукнулась и от боли чуть не поддалась слабости маленькой девочки, которая всегда жила внутри меня.

В самом деле! Это не нормально! Если бы только он молчал и продолжал, то все было бы иначе.

— Неужели все было так плохо?

Веселье обнаженного мужика сбивало с толку и заставляло сомневаться во всем происходящем.

Дело было не только в моем состоянии или его вопросе, но и в его раскрепощенном виде — он совершенно не стеснял-

ся себя. Было трудно укорить его в этом. С таким развитым телом и солидным мужским достоинством стесняться было абсолютно нечего.

— Снимай эту тряпку, выключай свет и прыгай обратно.

Он, надо сказать, тоже рассматривал меня. Все было хорошо, но ровно до того момента, как он добрался до моего лица. Я не могла не заметить, как он едва заметно поморщился! Я усмехнулась, но эта эмоция отравила меня.

С этого было начинать!

Надо было без предисловий и уговоров вылезти из кровати, включить уродующее всех и каждого центральное освещение и показать себя во всей красе.

Страшилой я не была. Но вы ведь помните, что я рассказывала о нервах в связи с переездом? Не стоит забывать об адаптации к новым природным условиям так сказать. Воздух и вода в столице были такими себе по свежести. Ну и последнее, приближались ЭТИ дни. Все это повлияло на кожу лица, заставив ее покрыться мелкими высыпаниями.

Чучелом я не была, но и красавицей себя в эти дни не называла.

— А почему не со светом? — любопытствовала я, поджав губы. — Стесняешься?

Он не ответил мне сразу, продолжая разглядывать меня, но теперь без морщинок на носу.

— Просто выключи свет и иди сюда, — сказал он нарочито весело.

Я не поверила ему. Да и он сам тоже. Это было видно по изменившемуся выражению его глаз. Момент веселья прошел или уходил, на его место пришло что-то другое, но он пытался вернуть его.

— Просто поднимайся, одевайся и уходи, — откликнулась я, скопировав его интонации.

Язык зачесался сказать, что я замужем, но это уже не имело значения для него, ведь все уже случилось. А вот для меня... Тут все было намного «интереснее», потому что до меня дошел весь крадец происходящего. Я подтянула простынь еще выше, осознав себя дрянью, каких мало.

— Вообще-то, это моя квартира, — ответил мужчина, дернув край простыни, чтобы прикрыть ей свои дымящиеся чресла. — Ты что делаешь здесь?

Его заявление и вопрос, как ни странно, заставили почувствовать себя чуточку лучше.

Это не я забыла запереть дверь, и не он ошибся этажом. Я не переспала с черт знает кем... В том смысле... Он не...

Я пыталась найти хоть что-то хорошее в случившемся и как-то успокоить себя! Получалось слабо.

— Варвары Никоновны, — поправила я, вмиг почувствовав себя еще ужаснее, чем прежде.

Когда факт случившегося дойдет до нее, то она точно решит, что я та еще шалавелла. У нее на подкорке запишется, что все девушки с редкими именами – проститутки!

— Она занимается моими делами, — сказал мужчина,

продолжая взирать на меня со своего места. — Эта квартира должна быть пуста.

Я поправила волосы, чтобы хоть как-то закрыть обнаженные плечи. Под его теперь уже изучающим взглядом стало неуютно. Стало не по себе, словно я попала в кошмарный сон, в котором стою на собеседовании голой.

— Она разрешила переночевать мне последнюю ночь перед выездом, — объяснила, а потом повернула к выходу из спальни. — Позвоните ей, и она подтвердит мои слова.

Воевать с ним необходимость отпала. Общаться дальше не хотелось. Надо было одеваться и уходить.

Я так и сделала, натянула на себя еще влажные вещи, прошмыгнула в спальню, забрав телефон с подзарядкой, и устремилась в коридор, чтобы обуться, схватить рюкзак и куртку и быть таковой.

Подумать над тем, куда отправиться дальше, я решила в знакомой мне круглосуточной забегаловке.

— Ты далеко собралась? — спросил все еще неизвестный мне мужчина, остановившись в проходе коридора. — Ночь на дворе.

Не слушая его, я застегнула молнии на кроссовках, выпрямилась и оказалась в объятиях его рук.

— Отпустите меня, — потребовала я, ошарашенная происходящим, — пожалуйста.

Не понимаю, как ему удалось подойти ко мне незамеченным. Это первое. Во-вторых, я офигела от того, как он повел

себя.

— Ты куда-то торопишься, чокнутая? — спросил он, прижимая меня к своей груди. — Оставайся, если договорилась — не съем я тебя!

— Мне все равно придется уйти, — проговорила я, сделав движение в попытке освободиться от его рук.

Но мне не удалось сделать это. Он очень удачно «спеленал» меня, застав врасплох, и еще был сильнее.

— Ты не поверишь, но мне тоже, — проговорил хозяин квартиры, не сводя с меня светлых, очень выразительных глаз. — Давай сделаем это утром?

Было в них что-то такое... Но я запретила себе вникать в это и разбирать увиденное на составляющие. Во мне еще веселятся гормоны. В нем, кстати, тоже. Я же обязательно увижу что-то, пойму и не забуду никогда. Мне не нужно этого.

— Зачем вам это? — любопытствовала, понимая, что ломаюсь для чистого вида. — Продолжения ведь не будет.

Мой утверждение не понравилось ему, но он не стал настаивать, как и отпускать с предложением катиться на все четыре стороны.

— Не хочу чувствовать себя куском говна, выгнавшим женщину на улицу среди ночи.

Это был не весь ответ. У него было продолжение. Оно заставило меня возмутиться, покраснеть и развеселиться.

Глава 3

Глава 3. *Андромеда*

— Неудовлетворенную женщину, — поправился он со смешком, удержав меня на месте. — Обещаю, что не стану приставать к тебе, если ты сама не захочешь этого.

Я была уверена в том, что этого не случится, несмотря на то, что его слова заставили рассмеяться про себя — он напрашивался на похвалу, ждал признания и тем самым заигрывал со мной.

— Не думаю, что случится это «если».

— Может и не надо «думать»? — спросил незнакомец, приподняв меня и повернувшись на месте. — Было ведь неплохо?

Я все-таки рассмеялась, покачав головой и тем самым отказавшись хвалить его. Он напорист, обаятелен и по-своему мил, но только что он откарнавалил меня и не желает выпускать из дому. Надо быть осторожнее с такими вещами.

— Окей, — сказал он, довольно сверкнув глазами. — Нет так нет.

Мое сознание, воспитание и прочие важные мешающие жить установки твердили мне, что не стоит уступать ему.

Но тело считало иначе. Оно тянулось к этому самоуверенному самцу, пленившись всем, что он транслировал в мир. Его голос, поведение, взгляд и чувство юмора откликались

во мне, напрочь игнорируя прежнее очень важное: «Фу! Борода!», «Фу! Он старше меня!» и «Фу! От него пахнет алко-голем!»

Это ни разу не помешало мне получить удовольствие сегодня.

— Как тебя зовут? — смахнув с моих волос кепку, спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Рыжая.

Я не любила прозвища. Они всегда отдавали безликостью, но возмущаться и психовать не стала. Он ведь не знал ни меня, ни моего имени, ни того, что я люблю, а чего нет, а еще он так произнес последнее слово, что у меня мурашки побежали по спине.

— Андромеда.

Я уперлась ему в плечи, решив противостоять своему поплывшему гормональному «Я».

— Интересно, — протянул он, усмехнувшись чему-то. — А чем ты занимаешься, Андромеда?

Он не выпустил меня, как хотелось и не хотелось все это время. Бородач взял меня на руки и, подхватив под ягодицы, отнес на кухню, усадив на кухонный остров.

Валерка выбрал классную квартиру, в которой был соблюден баланс стиля и комфорта.

Кухонный остров манил научиться готовить, но теперь на нем сидела я, и хозяин квартиры желал отжарить меня до состояния well done. Или это я хотела этого?

— Интернет-технологиями, — ответила я, едва ли уди-

вившись вопросу. — А как зовут тебя?

Мне не нужно было знать этого. Надо было оставить это приключение позади и не вспоминать о нем никогда, потому что в этой истории было намешано очень много всего: авантюра, распутство и измена. Но я задала вопрос, шепнув себе, что это нужно с точки зрения безопасности.

— Андрей, — ответил бородач с яркими глазами. — Что ты делаешь здесь?

Это и правда было забавно.

— Сажу на столе с мужиком между моих ног, — проговорила, посмотрев на место соединения наших тел. — Отпустишь меня? — Не знаю, что чувствовал он, но я ощущала пульсацию и не могла определить, кому именно она принадлежала. — Или боишься, что сбегу?

Он проследил за моим взглядом, провел по бедрам ладонями в нарочито медленном движении, а потом поднял на меня взгляд. В нем светился все тот же вопрос, и я покачала подбородком из стороны в сторону, отказываясь от нового шанса попасть в эротическое приключение.

— И все-таки что ты делаешь здесь?

Андрей отошел от меня и тут же потерялся в пространстве. Он крутнулся на месте, ища что-то и не находя.

— Я же говорила: ночью последний день, перед тем как съехать.

— А почему не на новой квартире?

Я смотрела за тем, как он открывает шкафчики и ищет

что-то.

— Просил же держать кофе на виду!.. — раздраженно бросил он, вновь повернувшись ко мне. — Есть хочешь? — Андрей не дождался моего ответа. — Хотя чего я спрашиваю? — бросил, скользнув по мне оценивающим взглядом. — Конечно же, хочешь!

Я хохотнула, проследив за тем, как он ринулся в коридор, загремев в нем ключами. Такого не было еще никогда! Ни один мужчина не говорил мне, что я тощая. А он ведь имел в виду именно это?

— Собери на двоих, — раздалось совсем скорое. — Да.

Андрей со смартфоном в руках вновь появился в районе кухни, бросив взгляд в мою сторону. Показалось, что этот тип следит за тем, чтобы я не делась куда-то. Настроение ползло вверх, словно июньские показания градусника в Сухуми.

— Ну и ее положи. Можно.

Я спрыгнула со стола, решив взглянуть на то, что творится в системе моего смартфона. Я знала, что не увижу ничего нового — звук был выставлен на полную мощность, но в холле царила тишина, нарушаемая голосом моего нового знакомого. Я просто, как и многие, стала рабом привычки тупить в экран с картинками.

— Пусть будет.

Мне позволили выйти из кухни, но не дали вернуться в коридор, загородив проход собой. Я смотрела на его грудь, при-

крытую голубой рубашкой, а потом подняла взгляд на лицо, не понимая как за несколько минут это человек занял львиную долю моей жизни, пускай и в пределах отдельно взятой квартиры.

— Игорь! Собери все, что считаешь нужным, — сказал Андрей, вновь встретившись со мной глазами. — Но главное, брось в сумку чертов кофе!

Он отпустил смартфон, убрав его в карман брюк.

— Так что?

Я дернула плечом, делая вид, что не понимаю его, а на самом деле не желая говорить ему правду. Пусть я не увижу его больше, но не стану выкладывать ему обидки и постыдные вещи, говорящие о собственной глупости. Я не привыкла жаловаться посторонним людям, потому что им, как правило, все равно; они не помогут, а вот сплетни и слухи распускать могут.

— Сегодня последний день перед выездом, — выдохнула я, проведя ладонями по его груди. — Я приехала сдать квартиру и обнаружила это, подписывая документы.

Этого мужчину нельзя было не хотеть. Только не с его напористостью и харизмой, уверенностью и распространяемыми ею флюидами.

— Поцелуй меня, — попросила я вместо ответа, — пожалуйста.

— Уверена в этом? — спросил он не без насмешки, но с мгновенно потемневшим взглядом.

Не дождавшись моего повторного утверждения, он сделал то, о чем я попросила, резко притянув меня к себе. Его пальцы зарылись в волосы, прижав меня к своему горячему рту, смявшему мои губы и оккупировавшему мой рот.

Он целовал меня с таким невероятным пылом и страстью, что все как будто заныло, ноги подкосились, а из груди вырвался, кажется, не принадлежащий мне стон. В этот момент он подхватил меня под ягодицы и понес обратно в погруженную в ночь спальню, поставил на кровать, но, вместо того чтобы продолжить целовать, отстранился.

— Раздевайся! — бросил он деловитым тоном, каким разговаривал с этим Игорем.

Это остудило мой пыл, вызвав целый каскад мыслей. Там было и то, за кого он принял меня, и то, что я дура дурная, балда наивная, тупица романтическая.

Я сделала шаг назад, осознавая в какую ситуацию загнала себя.

— Раздевайся! — вновь повторил Андрей и добавил еще кое-что, что расслабило меня: — Я не отвечаю за себя и не уверен, что сделаю это нормально, не порвав что-то.

Меняхватило на то, чтобы снять с себя водолазку, а потом застонать от болезненно-приятных ощущений его губ на своей груди, зарыться в его волосы и прижать к себе, чтобы продлить эти ощущения.

— Черт, — выдохнул он, отстранившись. — Давай же, Эда.

Я вздрогнула, подняв на него глаза.

— Что?

— Ничего, — отозвалась я, решив, что сейчас не тот момент, чтобы объяснять ему, что так меня давно не звали.

Я вновь принялась за джинсы и поняла, что не справлюсь с этой простой задачей. Почему? Тяжело раздеваться, когда целуют вот так горячо, жадно и изводяще. Он не просто тянул грудь, сжимая ее в ладони. Он играл ее вершинкой, а потом втягивал в себя, повторял то же самое рукой, но с другой грудью, и заставлял дергаться от крышесносных ощущений.

— Нет, ты сними их! — потребовала я, понимая, что не справлюсь с этой простой задачей. — Пожалуйста! Я не смогу!

Жизнь меня не готовила к такому, подбрасывая прежде совсем других, куда менее темпераментных любовников.

— Кукла! — прорычал он, впившись пальцами в мои бедра. — Ты с ума меняводишь!

Если бы я могла, то сказала ему то же самое. Но Андрей вновь поцеловал меня, разлив во мне баночку с томлением.

Мне хотелось прикоснуться к нему всем телом, чувствовать каждой клеточкой и даже дышать им. Очень нужно было, чтобы он смотрел на меня, произносил имя, как никто прежде, и был во мне, конечно.

— погоди! Остановись! Андрей!

Он игнорировал мои просьбы, покрывая живот поцелуями. Добравшись до жесткого пояса джинсов, он посмотрел

на меня снизу вверх, безмолвно прося помочь ему в этой мелочи.

— Фак... — выдохнула, когда его язык оказался в ямочке пупка. — Андрей!

Его глаза блестели, глядя на меня, и я не сомневалась, что он прекрасно понимает, что делает со мной. Я освободила кнопку из петли, в считанные мгновения оказавшись перед ним в чем мать родила. Носки и те снял, когда огладил бедра и провел ладонями от них до самых стоп.

— Кукла! — выдохнул он с восхищением. — Повтори это еще раз!

— Твою мать, — начала я в нетерпении, но не договорила.

Нельзя говорить и стонать одновременно. Это не получится ни у кого кто бывал в ситуации похожей на мою. Ни у кого не получится выдать что-то членораздельное, когда устраивают ноги на широких плечах, прижимают к лицу и втягивают губы в горячий рот.

— Повтори это еще раз! — требовал он еще через какое-то количество мгновений. — Повтори это, Эда!

Прижимая меня к прохладной стене, он вторгался в меня снова и снова и просил, но не ругательств. Андрей хотел, чтобы я позвала его по имени, и я сделала это, произнося его бесчисленное количество раз, сквозь настигшее меня удовольствие и сорвавшийся с губ крик.

— Тебя действительно зовут Андромеда? — спросил он, шепнув мне на ухо.

Я кивнула, а потом, опомнившись, произнесла обессиленное «Да!» Такого чумового и при этом чувственного к*екса у меня не было никогда. Никогда не было такого, чтобы я перестала владеть собой, а тут увлеклась настолько, что забыла о всяком стеснении и делала то, чего раньше никогда себе не позволяла.

— О чем думали твои родители, называя тебя так? — спросил он хрипло, отстранившись от меня. — Об астрономии или о древней Греции?

— Отец пересмотрел научно-фантастических фильмов в юности, — проговорила, повернувшись к нему, — назвал в честь персонажа, по-моему.

Прислонившись к стене, я смотрела на своего любовника и одновременно жалела и радовалась тому факту, что мы не включили свет. Я хотела внимательно рассмотреть его и, в то же время, не была уверена, что моя уверенность в себе выдержит такое испытание. Если он поморщится еще раз, то... Что-то будет обязательно! Я не хочу идти на улицу в таком состоянии.

— Очень удачно подобрал, — сказал мужчина, вновь приблизившись ко мне. — Ты просто космос!

Признание заставило улыбаться ему в губы, но не протестовать — так лениво было делать что-то, даже шевелить губами.

— Устала? — спросил мужчина, прижав меня к себе, а потом, как и я, дернулся от звонка в дверь, смачно выругав-

шись при этом. — Это, наверное, курьер.

Усадив меня на кровать, он на мгновение присел у моих ног.

— Дождешься меня?

— Ты забавный, — сказала я, погладив его по щеке. — Быстрее носи свой кофе, и повторим все снова.

Андрей хмыкнул, дотронувшись до моего лица. Он без труда нашел мои губы, провел по ним и слегка оттянул вниз.

— Красивый, наглый, напористый и нежный, — прошептала я, когда он, облачившись в брюки, исчез в светлом квадрате холла. — А еще, наверное, богатый, умный и оттуда самоуверенный.

Я легла на подушку, думая о том, чтобы в свою очередь спросить его о том, что он делает здесь. Разве богатые, властные и успешные не должны прятаться по Кремлям и Рублевым?

Глава 4

Глава 4. *Андромеда*

Мне не удалось спросить его ни о чем. Я уснула, вероятно, самым беспробудным сном из всех, что были в моей жизни. Андрей окончательно вымотал меня и одновременно помог расслабиться, забыв обо всем.

Он же разбудил меня, сжав в объятиях.

Первые минуты я, как обычно, находилась где-то между сном и реальностью, думала, что мне снилось и что я сделаю сегодня.

А потом Андрей притянул меня к себе, сжал грудь в ладони и заставил проснуться окончательно.

— Андрей, хорошие девочки тоже делают это, — прошептала я, когда не сработали обычные просьбы о помощи. — Заяц, иначе я сделаю это прямо здесь.

Это подействовало. Его объятия ослабли. Он пробурчал что-то вроде «шантажистка» и перевернулся на другой бок.

Я рассматривала его затылок, спину и задницу, отмечая подтянутую и загоревшую, вовсе не рыхлую кожу с играющими под ней развитыми мышцами, потом обошла кровать, чтобы оценить все остальное, а заодно найти разбросанные по комнате вещи.

Мне очень нравилось то, что я видела. Он, как и вчера, был хорош со всех сторон. И это вызвало команду мурашек

по коже.

— Надеюсь, что ты уже сделала все важные девчачьи дела, — проговорил вдруг тот, приоткрыв один глаз и посмотрев на меня. — Еще минута, и я перестану ручаться за себя.

Я прыснула от смеха, отскочив на всякий случай. Все выглядело так, что он спал и сквозь сон говорил что-то, но совету я вняла, отправившись в душ. Но перед этим заглянула на кухню. На знакомом мне столе для приготовления еды лежали коробки с пиццей с неузнанным мне логотипом какого-то ресторана, множество квадратных коробочек, пакет и несколько стаканчиков с кофе.

Голод напомнил о себе немедленно. Кофе-зависимость сейчас же дала о себе знать, потребовав выпить пусть и холодный черный напиток. Мочевой пузырь, однако, отослал меня в уборную, заставил зависнуть в ней на некоторое время, потому что ко всему прочему подключилось обоняние, сообщив мне, что если я не помоюсь, то в скором времени начну пованивать, как хорошая морская свинка.

Андрей свою угрозу не выполнил. Он перевернулся на другой бок и спал так крепко, что не заметил моего возвращения за смартфоном, стука его хронометра о тумбочку и моего похолодевшего сердца.

— Черт, — выдохнула я, глядя на золотой ободок кольца на тумбочке возле кровати.

Мое кольцо продолжало сидеть на безымянном пальце, а это могло принадлежать только Андрею – рядом лежали его

смартфон и часы, а значит, и кольцо было тоже его.

Почему я расстроилась? Я ведь, как и он, была замужем и не могла ждать ничего серьезного от этой внезапной и легкомысленной интрижки. Но все равно на душе образовался осадок, покрыв сжавшееся сердце налетом разочарования и неприятия.

— Может, ты объяснишь, что происходит? — написала я в «телегу», как только села за кухонный стол и сделала ободряюще огромный глоток холодного кофе. — Где ты? Куда ты пропал? Что случилось? Я знаю, что ты жив! Соседка и Варвара Никоновна подтвердили это!

Вытащив из коробки кусок огромной пиццы, я не придумала ничего лучше, чем оторваться за постигшее меня разочарование на пока еще моем муже и пицце.

Ну не устраивать же истерику этому кобелю? Он спит и вдобавок ко всему ничего не обещал мне.

Я не лицемерная, просто ощущение сестринства во мне сильно, ведь женщины в основном изменяют, когда все потерянно, а вот мужчины — когда им внезапно стало скучно. Шел-шел-шел себе бедный нагруженный легче среднего мужичок и вдруг на его т*лен упала грустинка.

В этот раз этой печалькой оказалась я, расстроилась и старалась прийти в себя одним из самых простых способов — едой.

Валерка же, если и читал мои сообщения, то предпочитал ничего не отвечать на них, чем злил еще больше.

Надо идти в полицию и подавать заявление о пропаже. Это все не нормально. Здесь и не пахнет семьей. Тем более не говорит о здоровых отношениях. Как можно уехать и не предупредить? Как можно исчезнуть и оставить без средств к существованию? Мы ведь восемь лет вместе!

Слава, как не странно, делал то же самое, и это беспокоило меня больше, потому что Мучнов готовился к своей спецоперации, а вот Славка исчез с радаров внезапно. Вдобавок ко всему в чужой стране у него не было никого, кто мог бы начать беспокоиться его отсутствию в квартире.

— Привет, я хотела бы заявить о пропаже человека, — проговорила, жутко краснея от своего английского. — Окей.

Мне задавали вопросы, переключали, заставляли ждать, а я на фоне этого всего приняла решение, обулась в ботильоны, застегнула куртку, забросила рюкзак на плечо и вышла из квартиры.

Чего я, спрашивается, ждала? Вот проснется Андрей... и что будет дальше? Он примется рассказывать, что в разводе? Станет втирать то, какая у него плохая жена, что задолбала и не ухаживает за собой?

Я ведь не поверю в эту чепуху, но успею бросить на него уничтожающий взгляд? Не-а. У меня скорее губы задрожат, потому что мне было хорошо с этим мерзавцем, который будет пытаться сделать из меня идиотку.

Может он протрезвеет и просто пошлет меня на к*ер?

— Мисс, кем вы приходитеесь этому человеку? Вы знаете,

где он проживает? Вы можете назвать номер его телефона? А номер, марку и цвет автомобиля? В какой компании он работает?

Я, отвечая на вопросы, добрела до метро, а потом завалилась в кафешку рядом. Есть не хотелось. Нужно было посидеть, погреться и выпить еще одну кружку в этот раз невкусного кофе, чтобы успокоить горящий взгляд бармена этого «быстро».

— Мы можем связаться с вами по этому телефону? Завещаем вас, что начнем работать над вашим обращением уже с этой минуты.

— Да, конечно, — ответила я, а потом повесила трубку, пытаясь сконцентрироваться на окружающей меня действительности.

Звонок в американскую полицию обойдется мне в копейку, но проблема не в этом, а в том, что я осознала, что если действительно случилось что-то, то у меня нет денег на самолет. Те гроши, что лежат у меня на карте, позволят продержаться в столице немного, с условием, что я не стану снимать квартиру и перестану питаться три раза в день.

— Спокойно, Эда! — Я принялась подбадривать себя, чтобы не слушать голос мелкого, слабого и сожалеющего «Я», что уже гнал меня обратно, в квартиру мужчины моей мечты. — Спокойно!

Надо было придумать что-то другое, без жалких и позорящих меня моментов. То, что они будут такими, я даже не

сомневалась. Почему? Потому что буду остро чувствовать то, что я предала себя, пошла на поводу у слабости и наступила на горло собственным принципам. На два из них («ни за что и никогда не прыгать в койку к кому попало» и «не смотреть, не крутить и уж тем более не спать с женатиками») я не просто наступила, а села задницей. Последнее можно было оправдать тем, что я не увидела кольца сразу.

Я не могла избавиться от этих мыслей, продолжала думать и уговаривать себя не совершать «фаталити эррор».

Что я скажу Андрею, когда он откроет мне дверь? Что я гуляла? Ходила выпить дрянной кофе? Решила проветрить мозги и мне это не помогло?

Когда все закончится? Когда мы закончим завтрак? Может после очередного к*екса? Он спросит, куда меня подвезти, а что скажу я? До метро, пожалуйста?!

Бред.

— Я звонила вам сорок минут назад, — сказала, вновь представилась и поинтересовалась: — Офицер, понимаю, что тороплюсь, но может у вас есть чем порадовать меня?

— Мисс, к сожалению, такие вопросы не решаются так быстро. Кроме заполнения бумаг и прошений, нужно дождаться решения суда, чтобы обратиться в сотовую компанию вашего брата и запросить данные о его местонахождении. Вряд ли они смогут предоставить нам точные координаты. Придется проверить местность и опросить местных жителей.

Моя вера в американских копов рушилась с каждым новым словом. Несмотря на мои надежды и просмотренные телесериалы, у них было чуть лучше, чем у нас.

— Прошу вас не волноваться. Попробуйте позвонить ему еще раз. Может быть, он выронил телефон и его нашел кто-то. Есть вероятность, что его вернут за вознаграждение, а заодно расскажут, где именно нашли аппарат. Позвоните нам в этом случае.

Все было очень просто только на словах, потому что слово «вознаграждение» совсем не вязалось с моим финансовым положением. Ко всему прочему, мой английский был таким себе. До этого я просила копа говорить помедленнее, чтобы лучше понимать его, а с простым американцем будет еще хуже.

Фак! Фак! Факинг щит!

Я принялась набирать Славку, надеясь на то, что он действительно просто потерял телефон, забыл в машине и на то, что свет от экрана привлечет кого-нибудь в столь поздний для Америки час.

В конце концов, я поднялась, решив пройтись немного. Сидеть в «тошниловке» дальше не было никаких сил. На меня пялились, вслушивались в мой разговор, надоедали смешной услужливостью, не замечая, как липнет обувь к плохому вымытому полу.

Вдобавок пришло письмо от Валеры. Хотя я не назвала бы его таковым. Просто записка, которая выпала из push.

— Не ищи и не звони, — прочитала я, затормозив от того, что закололо в груди. — Я не вернусь.

Возможности перечитать послание не было — оно исчезло так быстро, словно его и не было никогда, а вот позвонить еще раз и даже наваять ему сообщение я могла.

— Я хочу, чтобы ты объяснил мне, что случилось, где ты и почему уехал, — написала, скрипя сердцем. — Только тогда я успокоюсь.

Я врала ему на чем свет стоит и, если он хоть чуть-чуть знал меня, то должен был понимать, что мне не хватит этого объяснения.

— Возьми трубку, — повторяла я снова и снова. — Возьми трубку!

Не знаю, зачем этот кретин играл в конспирацию. Но делал он это очень фигово. Валерик не отключил телефон и голосовую почту, которая сообщала, что номер активен и все еще принадлежит Мучнову.

— Сволочь, — выругалась я в сердцах. — Вот ведь сволочь!

Супруг не сбросил мой звонок: он додумался отключить аппарат.

А может это сделал не он? Ну, уж слишком не логично его поведение — написать в push, не отключить смартфон, слушать звонки...

Дойдя до пустой детской площадки, я села на лавочку и попыталась разложить все по полочкам, вспомнить что-то,

что зацепило бы мое внимание, и предположить. Не было ничего такого, кроме того факта, что Валера приехал в Москву первым, а я вслед за ним.

Он пропал на работе допоздна, стараясь как можно скорее влиться в рабочий процесс, сильно уставал и был немногословен эти дни. Я тоже была такой, закрутившись с продажей вещей и закрытием рабочих проектов. Меня должна была насторожить просьба о переводе крупной суммы на его счет? Нет. Я делала так и раньше, но сбежать он решил именно сейчас.

— Если завел себе кого-то, имей совесть сказать мне об этом, трус, — проговорила я в сердцах, зажав кнопку голосового сообщения.

Сидеть, ждать и звонить в неизвестность больше было нельзя. Нужно было заняться насущными проблемами. Для начала найти жилье на ближайший месяц, а потом поискать работу. Любую. Только бы выкарабкаться. А еще лучше сделать это одновременно.

Глава 5

Глава 5. *Андромеда*

Если бы я знала, что в ближайшие семь часов проведу в атмосфере самого настоящего ада, решилась бы я на то, чтобы начать искать жилье самостоятельно?

Вероятно, нет.

Но сегодня я была избавлена от этого «чудесного» опыта, принявшись звонить, писать и договариваться о встречах, перманентно благодаря Бога за то, что тот дал людям интернет, авито и видеосъемку, которые избавили меня от поездок на другой конец Москвы и от личного общения со своеобразными, странными и пугающими агентами, собственниками, соседями по квартире, подъезду и дому.

— Хостел Владыкино, Отрадное, Бибирево. — Я набрала текст и подняла голову от экрана, посмотрев на происходящее за окном.

Москву стремительно захватывала ночь, принесся с собой современное волшебство в виде зажигающихся, прогоняющих мрак фонарей и возникших, словно из ниоткуда, светящихся не то троп, не то русел рек с бегущими по ним дикинными животными, а также совсем непризрачную живо захватывающую меня тревогу.

— Капец, — бросила я, откинувшись на спинку мягкого диванчика. — Это просто капец.

Уставшие посетители переименованного кафе не обращали совершенно никакого внимания на меня, всецело занятые друг другом или новостями в лентах социальных сетей.

Я же смотрела на фотографии хостелов и офигевала от сумм, которые их хозяева хотели получить за ночь.

В который раз за день мне захотелось расплакаться, откатиться на несколько дней, а то и недель назад, чтобы поступить иначе: отговорить Валерку от заманчивого предложения, а еще лучше остаться в Петрозаводске, помахав ему оттуда оттопыренным средним пальцем. Но я хотела этого переезда, этой новой жизни, возможностей, ритма и получила его.

— Дом сорок шесть, корпус два, — повторяла я про себя, складывая в рюкзак заряженный ноутбук и забитый под завязку power-bank. — Дмитровское шоссе, сорок шесть, корпус два.

Карты от Гугла показывали маршрут, но я знала, что будет, когда я окажусь в относительной близости от нужного мне дома: они заставят меня блуждать среди многоэтажек, не в силах указать нужную мне вывеску.

Я не знаю, что это за магия, но я постоянно сталкиваюсь с чем-то подобным, и не было проблемой спросить у прохожих, если бы не спустившийся вечер и опыт. Сегодняшний день показал мне, что спрашивать у москвичей что-либо бесполезненько. Они не знают вообще ничего!

Но образовавшаяся в жизни попа не желала отпускать ме-

ня.

Почему я, найдя нужное мне здание, не насторожилась, когда увидела на его пороге дымящих представителей союзных республик? Почему поверила в то, что приличный номер со всем необходимым может стоять две с половиной тысячи рублей? Потому что это нормальные деньги и на них можно жить неделю, а то и две?

— Вот ваши ключи, пульт от телевизора и лейка от душа. Это был второй момент, на который стоило обратить внимание.

Что тут такого спросите вы?

Ничего, но до тех пор, пока не обнаруживаешь, что ты живешь в номере не один.

— Простите, кто-то из постояльцев забыл в номере сумку с вещами, — обратилась я, остановившись возле стойки администратора.

Хотелось поскорее в душ, чтобы смыть прилипшие к коже копоть и усталость.

— Все в порядке, — поспешила успокоить меня рябая девица с равнодушным взглядом. — Это вещи второго постояльца.

Мне понадобилось сколько-то секунд, чтобы осознать сказанное, а потом потребовать вернуть мне средства.

Почему вернуть, а не поменять номер? Потому что остальные «одноместные» комнаты были заняты и оставались койко-место в помещении на десять человек.

Проверить, сколько нас там будет, не хотелось.

— Мы не возвращаем деньги, — сообщила девица, вновь затупив в экране ноутбука. — Вы забронировали номер онлайн, а значит, должны были ознакомиться с действующим предложением.

На язык просился синоним слова «очуметь».

— Я заплатила за одноместный номер, — возразила я с промчавшимся морозом по коже, — но не за проживание черт знает с кем.

Не представляю, что было, если бы я проснулась от этого соседства.

— Но кровать ведь двуспальная!

От этого замечания кто-то как будто взял и поменял шокированные полушария моего мозга местами.

Это, конечно же, меняло ситуацию!

Но иронизировать и хохмить было нельзя, так велик был риск, что мои слова примут за чистую монету.

— Уверяю вас, это очень приличный мужчина, — ответила администраторша, скрестив руки на груди. — Вдобавок ко всему еще и старый.

Даже не знаю, какое слово должно было успокоить меня больше: «приличный» или «старый».

Объяснять толстухе, что как бы стар не был мужик, его не стоит списывать со счетов, не хотелось.

А вот получить обратно свое хотелось очень даже.

— Или вы возвращаете мне деньги, или я звоню в поли-

цию и сообщаю о заложенной здесь бомбе.

Это было рискованно, но был у меня один старый знакомец. Обращаться к нему за помощью можно было в исключительных случаях и, по-моему, происходящее подходило под эту ситуацию.

— Отменить вызов будет невозможно. Участковый, который закрывает глаза на эту помойку, вряд ли сможет сделать что-то. Ребята в пятнистых нарядах очень разозлятся, когда не найдут ничего и поймут, что их сорвали в ночь за просто так. Они задержат каждого, кто рылом не вышел, и продержат как минимум до утра.

Объяснять дальше не было необходимости, но я решила разжевать расклад до конца.

— Интересно, кто вернется на следующий день и потребует уплаченные деньги? Как думаешь, они подожгут эту лавку, если не получат их обратно или просто перестанут рекомендовать своим знакомым?

Хабалистая девушка с несомненно красивым именем Мира усмехнулась. Она поняла все, но решила порыпаться немного, направившись к двери, чтобы загородить ее собой.

— Сдам тебя ментам – и не будет ничего.

— А я и не собираюсь уходить, милая. В кутузке будет точно так же, как здесь, но с одним лишь исключением: за нами, то есть за тобой и за мной, будут присматривать исключительно приличные люди.

Дальше медлить было нельзя.

Куда я пойду ночью?

Я разблокировала экран смартфона, набрала номер и, не сводя глаз с администраторши, произнесла:

— Алло, здравствуйте.

— Дежурная часть слушает, — бойко отрапортовала трубку голосом старого знакомого.

Его нельзя было не услышать — работала громкая связь.

— Я хотела бы сообщить о заложенной бомбе, — проговорила я, стараясь не выдать волнения. — Записывайте адрес: улица Дмитровское шоссе, дом 46...

— Вешай трубку! Я верну деньги!

Через десять минут, получив уведомление о перечислении средств, я мчала по направлению к метро, чтобы убраться подальше от этого трэша.

Только оказавшись на приличном расстоянии от чудо-места, я ответила на звонок Юрки.

Он уже давным-давно не работал в полиции, трудясь на какого-то частного, но продолжал отвечать людям в старой манере. Звоня ему можно было «попасть» на дежурную часть, убойный отдел, РУБОП или в другие малоинтересные, но грозные отделы.

— Это что за цирк ты мне устроила? — спросил Юрка, а когда я объяснила ему все, рассмеялся. — Соображаешь!

Под гнетом вопросов пришлось рассказать о моих перипетиях.

— Ань, ну что ты как маленькая?

Ненавижу, когда ко мне общаются вот так. Особенно те, кто сам без двух минут оболтус.

— Неужели у тебя нет знакомых в Москве? Сигналь им, просись переночевать и все в этом духе.

— В том-то и дело, что нет, — выдохнула я, присев на лавочку. — У нас же все Питер любят и чуть что едут туда или в Финку.

Надо решаться на что-то: просить помощи у Трехова и... Возвращаться домой? Задав себе этот вопрос, я покачала головой. Там будет еще хуже, чем в Москве, хоть и с городом полным знакомых.

— Ты слышишь меня? Ань? Ты еще тут?

— Да, — ответила я, а про себя выругалась, обозвав себя дурой. — Тут просто шумно.

Слезы стали подступать к глазам еще активнее, чем прежде.

— А Маликина? Помнишь ее? Эвелина Маликина. Училась с нами до девятого класса, а потом уехала и сейчас живет в Москве.

— А разве не в Чебоксары?

Я сто лет с ней не общалась, а точнее она с нами.

Однажды отличница Маликина собралась и уехала, не сказав никому и ничего.

Наша компания из трех подруг оказалась в шоке от этого поступка. Ясно, что она уехала не без подачи родителей, но нам-то она могла хотя бы просто рассказать. Мы же узнали

об ее отъезде от классного руководителя, когда не обнаружили подругу в школе первого сентября.

— Может, назад обратно хочешь? — вдруг спросил школьный приятель. — Давай я вышлю тебе денег?

— Нет, — ответила я, разозлившись на себя, на мужа и обстоятельства. — Домой я еще успею.

Надо было побороться и постараться оседлать Москву, вернув то, что она забрала у меня.

— Ну ок. Я сейчас найду ее номер и вышлю тебе.

Юрка отключился, а я, бродя вокруг станции, думала о том, почему Линка общается с ним, но ни разу не написала никому из нас, исчезнув с радаров социальных сетей?

— Привет, Лин, — поздоровалась я, спустя долгих пятнадцать минут. — Это Андромеда Галактионова, и мне очень сильно нужна твоя помощь.

Мне понадобилось время, чтобы собраться с мыслями и отрепетировать свою речь, перед этим собрав все знания о том, как правильно просить о помощи.

Я не стала разводить светскую беседу и спрашивать, как прошел ее вечер. Это было фальшиво, потому что любой нормальный человек в такой ситуации поймет, что позвонили спустя столько лет вовсе не для этого.

— Андромеда? — раздалось в трубке с непонимающе-сомневающимися интонациями. — Кто это?

Я не знаю, как у кого, но именно из-за таких моментов я ненавижу просить о чем-либо.

Относишься к людям нормально, говоришь с ними по-человечески и в общем прошлом нет негативных моментов, а они испытывают удовольствие, унижая кого-то. Именно унижая, ведь и сами знают, каково признаться в своей слабости не себе, а другим.

Хотя может мне показалось, что ее уточнение было наигранным, и она на самом деле не помнит меня.

— Мы учились с тобой вместе в Петрозаводске, — проговорила я тяжело. — Я, Катя Гусева, Марина Кузина, Аня Попова...

— Ро! — воскликнула Эвелина с теплотой в голосе. — Что у тебя стряслось?

Переход от непонимания к теплоте и узнаванию был настолько неожиданным, что заставил меня подумать о притворстве Лины или о психопатии. Слышала, что психопаты легко переключаются из одного эмоционального состояния в другое, на самом деле даже близко не испытывая идеально демонстрируемых чувств.

— Я в Москве сейчас и так получилось, что мне негде ночевать сегодня.

Я говорила, забив на свои прошлые параноидальные мысли. Нервы у меня сейчас ни к черту. Мало как мог измениться человек?

— Где ты сейчас? — спросила Эвелина, выслушав краткий рассказ творящегося со мной трэша. — Я заеду за тобой.

Назвав станцию метро, я принялась ждать, попутно стыдя

себя за то, что думала о человеке плохо.

Она срывается ко мне в ночь, вместо того чтобы просто назвать адрес или послать меня с моими проблемами к черту.

Когда Эвелина позвонила мне вновь, я уселась на знакомую «телегу», приготовившись услышать отказ.

— Я уже на парковке, слышишь? — проговорила Маликина, посигналив мне. — Давай ко мне!

Сориентировавшись по звуку, я перебежала широченный пешеходный переход, а потом офигела. Эвелина нажала на клаксон еще раз, помигала фарами, а потом выпрыгнула из начищенного до невообразимого блеска джипа и помахала мне рукой.

— Галактионова! — прокричала мало похожая на себя прежнюю Лина и запрыгала на месте. — Я тут!

Глава 6

Глава 6. *Андромеда*

Я не узнала Маликину не только потому, что прошло больше десяти лет с нашей последней встречи.

Не пятьдесят же, верно?

Она изменилась и стала такой девушкой, каких можно увидеть в глянце или в социальных сетях: жутко стильной, модной, худой и накрашенной так, словно она сорвалась со съемок или кастинга ради меня. Не верилось, что милая булочка Линка и звонкая штучка напротив – один и тот же человек, но это было именно так.

— Роми! — закричала Эвелина, кинувшись обнимать. — Как же я давно не видела тебя!

Ее громкая счастливая непосредственность погнала прочь мои депрессивные мысли. Я уже надумала себе черт знает что после этого: «Андромеда? Кто это?»

— А-а-а! Ты изменилась! Вся такая на стиле!

Белокурой Эвелине как-то удалось покрутить меня на месте, но недолго – я ловко высвободилась из ее рук, польстившись замечанию и моментально устыдившись этого чувства. Ясно же, что это слова вежливости, и дело не в том, что я не уверенный в себе человек, а в том, что она одета иначе.

— Сама-то! — Я помахала рукой вдоль ее тела. — Где твои русые волосы? А очки? А куда делся ожог со щеки?

— Нравлюсь?

Эвелина картинно оперлась на бампер крутецкого авто, стянув куртку, оголила плечико и сдвинула очки на переносице.

— Очень, — призналась я, восхитившись ее мгновенным перевоплощением. — Но и тогда было неплохо.

— Нужно, чтобы говорили «очень», а «неплохо» оставим для старых фотографий.

Эвелина улыбнулась, а потом кивнула на пассажирское сидение.

— Запрыгивай, — велела она, направившись к двери. — Давай покажу тебе Москву!

Было прикольно смотреть на город с сидения автомобиля, в тепле и без переживаний о том, что выбрала не то направление и совсем скоро окажусь в депо.

— Ты извини за этот спектакль с не узнаванием, — говорила она неожиданно и очень серьезно. — Ты не представляешь, какого дерьма я наслушалась от бывших хороших знакомых, стоило поселиться в Златоглавой.

— Я понимаю, — ответила, и меня окончательно отпустило на ее счет.

Потом Линка рассказывала, как и почему уехала в Чебоксары.

— Ты же помнишь, что у меня родители были в разводе? Я кивнула, вспомнив, как сильно меня поразила эта новость, как страшно стало в ту секунду из-за того, что что-то

подобное может случиться с моей семьей. Страшно или не страшно, а они тоже развелись.

— Я ведь с мамой жила, а в девятом классе объявила ей, что переезжаю к отцу, тем более что он был не против моего присутствия в своей жизни.

— Могла бы написать хоть кому-то из вас.

Маликина отмахнулась.

— Тогда было не до писем. Папа оказался болен и ушел из жизни через год после моего приезда.

— Выходит, ты вовремя приехала? — заметила я, после чертыхнувшись.

Я запретила себе говорить что-либо подобное в дальнейшем. Ну, какая разница теперь, присылала ли она нам письма?

— В смысле? — Лина не поняла меня, бросив острый и даже подозрительный взгляд в мою сторону.

— Вы же с отцом последний раз виделись, когда тебе было девять, — принялась объяснять, преодолевая напавшую неловкость. — Ты и он смогли пообщаться друг с другом, прежде чем его не стало.

— А, ты об этом, — выдохнула подруга, вновь посмотрев на дорогу. — Так-то да.

После ее забрала к себе бабушка.

— Она жила со старшим братом папы, который, — Лина сделала торжественную паузу, — внимание, держал сеть стоматологических клиник в городе!

Я присвистнула.

— Фига!

Мое удивление было искренним.

В нашей компании не было богачей. Все средненько плюс-минус. У кого-то новые кроссовки, кто-то хвастается новой туникой, а кто-то новым mp3-диском, но уж никак не всем вместе.

Владелец сети стоматологических клиник — это совсем не вязалось с тем, как жила Маликина и ее мама.

— Именно! Папе не надо было выбирать маму. Тогда бы бабушка от него не отвернулась и все у него было зашибись, а не должность бухгалтера на Петрозаводском хлебокомбинате.

Я или слишком стара, или чего-то не понимаю. Если бы ее отец не выбрал ее маму, то не было бы ее, нет? Но я не стала задавать этот вопрос и продолжать триггерить эту тему, побыстрому соскользнув с нее.

— Лин, Москва чудесна. Но я, если честно, не отказалась бы съесть чего-нибудь. Бургер провалился в меня, словно его и не было никогда.

— Бургер?! Ты ешь бургеры?

Линка вновь повернулась ко мне, смерив оценивающим взглядом.

— А потом сидишь на укропе и воде?

— Почти, — рассмеялась я, придерживаясь других правил питания. — На супчиках и сложных углеводах.

Маликина закатила глаза.

— Сразу видно, Петроской! В Москве не готовят, а ходят по ресторанам или заказывают еду на дом.

В Петрозаводске не так много ресторанов и ограниченное количество мест с хорошей зарплатой, чтобы позволить себе шиковать каждую неделю.

— Поехали, накормлю тебя и покажу, чего ты лишалась все эти годы.

Она привезла меня в какой-то невероятный круглосуточный гриль-бар и заказала стейк, розовый коктейль, салат рукколы с тремя жалкими креветками и минеральную воду с листиками мяты.

— Этот кусок мяса с домашним багетом мне, а тебе трава и креветки? — спросила я, не веря в происходящее. — Ты прикалываешься?

Этим куском мяса можно накормить трех человек!

— Иначе меня разнесет на всю столицу, — проговорила Маликина, нацепив на вилку травку. — Но это очень вкусно.

Я почему-то не поверила ей. Что-то выдавало тот факт, что она делает вид, что ей нравится. Но ведь я позвонила ей вовсе не для того, чтобы тыкать ее в морально-этические рассуждения и прочие нестыковки?

— А как ты оказалась в Москве и стала такой деловой? Маликиной, как и всем, нравилось говорить о себе.

— Я удачно вышла замуж.

— За олигарха, депутата, миллионера, генерала?

Она качала головой, а под конец так и вовсе расхохоталась.

— Боже, как же это звучит! Неужели и я была такой?!

Какой? Что не так я сказала? Эти люди перестали быть богачами?

— Нет. Тогда он был просто финансистом.

Настала моя очередь смеяться.

— Просто финансистом? Просто? Лин, в нашей стране есть просто бухгалтера и экономисты, но не финансисты! У них точно все непросто!

— Ты поняла! Все это скучно и посредственно, если работать на кого-то.

— Ты сказала, что это было тогда, а сейчас? — спросила, откинувшись на спинку приглушенно-малинового кресла

— Он теперь строит и открывает рестораны, — сказала Маликина, приподняв брови, — но все одно – пропадает целыми днями на своих объектах и совсем не думает обо мне.

У Лины, как бы она ни отзывалась о своем муже, все сложилось как нельзя лучше. Она могла позволить себе не работать, несмотря на полученное образование юриста, заниматься собой, домом и мужем, не отказывая себе ни в чем. Но я не стала ей говорить о том, что от добра добра не ищут. Может она говорит это специально, чтобы таким образом прихвастнуть и вызвать пересуды, а может просто зажралась и до нее не дойдет, сколько не тверди.

— Это, знаешь ли, занимает время быть самой-самой.

Я иной раз встаю в восемь утра, чтобы вернуться домой к приходу мужа. — Она вновь выразила недовольство, дернув уголком губ. — Только один фиг... Забудем об этом!

Я кивнула, отодвинув тарелку с мясом, которое не доела, хотя сперва казалось, что проглочу стейк размером с ракетку для пинг-понга и не замечу ничего.

— А что случилось у тебя? — любопытствовала Маликина, с какой-то жадностью проводив тарелку взглядом. — Ты запуталась в билетах?

Я помотала подбородком из стороны в сторону, решаясь рассказать, что у меня все иначе, чем у нее.

Валерку всегда надо было подталкивать, вкладывать в него какие-то мысли, которые помогут ему не бояться идти вперед, не дадут остановиться на достигнутом и помогут увидеть новые перспективы.

Однажды, устроив распил, я заставила Валерку, чтобы каждую субботу он выделял час на то, чтобы отправлять резюме по различным рекрутинговым компаниям и непосредственным работодателям. Допросилась! Получила! Лучше бы ехала к Славке!

— Ань? — испугалась Эвелина, перед этим махнув кому-то. — Ты чего?!

Слезы брызнули из глаз неожиданно и напугали не только Маликину, но и меня саму.

— Перестань!

— Все в порядке. — Я постаралась успокоиться, вытирая

щеки от влажных дорожек. — Видимо дошло окончательно.

Жалко стало себя и собственных усилий не на того человека.

— Я вроде как тоже замужем и приехала покорять Москву.

Говорить об этом было неудобно, но потом я вспомнила слова девчонок из одного около психологического подкатаста: «Неужели вы и правда верите в то, что ваша ситуация настолько уникальна в мире, в котором проживают миллиарды человек?!»

— Вернулась вчера в квартиру и обнаружила, что он съехал, — подытожила, закончив свой короткий рассказ, — и забрал с собой все. Даже мои трусишки.

— Офигеть! — воскликнула Лина, загремев трубочкой в стакане со льдом. — И что?! — Она подозвала официанта. — Он как-то это объяснил? Бабу себе нашел? Что? Что сказал этот сцукашвили?

Завалив меня вопросами, Маликина попросила принести стопки и какой-то горячительный напиток, название которого я не знала.

— Нет. Играет в таинственность, не отвечает на звонки и смс. Прислал единственное сообщение через push, в котором просит не искать его.

— В push? — переспросила Эвелина, разлив жидкость по рюмкам. — Держи!

Я взяла стопку, опрокинула ее содержимое в рот, с первых

же секунд почувствовав, как в висках как будто перестало тянуть что-то.

— Ты же за рулем, — заметила я, когда подруга повторила мое движение с посудой, — и на диете.

Диеты она придерживалась для того, чтобы в барах и клубах не отказывать себе ни в чем.

— Возьмем такси, — ответила Линка и вновь щелкнула пальцами, подзывая официанта. — А ты рассказывай все сначала, а еще лучше скажи-ка мне инсту своего благоверного.

Не было у Мучнова никакого инстаграма. Чтобы он стал фотографировать? Системный код? Кабинет? Петрозаводск летом и только летом, потому что во все остальные времена года в этом городе одна сплошная грязь кругом? Это его слова, а не мои!

— Окей. Дай мне свою инсту. Она ведь есть у тебя?

Она у меня была с чуть больше десятком фотографий.

— Ты рассказывай-рассказывай пока.

Не знаю, что еще можно было сказать. Но вдруг нашлось.

— Говори, как он вел себя в последнее время? Задерживался на работе? Что говорил при этом?

— Когда я возвращалась на квартиру, он уже был дома. А до этого не было ничего такого.

Напиток помог развязать мне язык. Он видимо был ближайшим другом Джека Дэниэлса, который обычно убеждал: «Нет! Ты умеешь танцевать!»

— Сначала он приехал, а потом я.

— В смысле? Ты отпустила в этот город-притон его одного?

Я кивнула, вдруг вспомнив своего ночного гостя.

Интересно... Нет, мне не интересно, что он сказал своей жене. Вообще не интересно знать про жену. Пусть остается в воспоминаниях будоражающим кровь приключением.

Жаль, что я не связалась с Линой до того, как затеяла переезд.

— Это твой Мучнов? — спросила Эвелина, повернув смартфон в мою сторону и дождавшись моего кивка, добавила: — Ну и вкус у тебя, Галактионова!

Будет интересно посмотреть на ее мужика. Все они красавцы только на словах, а посмотришь вживую – прямой родственник жабы и достоинства его как раз в тех самых недостатках, то есть в том, что он работающий, сдержанный и немногословный.

— Что ты пытаешься найти?

— Кого! — уточнила серьезная Эвелина. — А ты пей, чтобы завтра тебе было максимально фигово, и думала о своем козле исключительно в отрицательном ключе.

Я так не любила и, честно говоря, не хотела, но кое-какая логика в словах подруги была.

— Ну, хорошо, — согласилась, не ощущая себя хоть сколько-нибудь улетевший. — Кого?

— Того, кто держит твоего Валерика за яйца, — прого-

ворила Линка, не переставая тыкать в экран смартфона. — Каблуки так просто не уходят.

— Считаешь, что она такая дура?..

Мне не ясно, зачем брать чужое и такое не заманушное, но Маликина не дослушала меня, зацепившись за слово «чужое».

— Ань, хищницам пофиг на мораль и то, насколько глубоко женат мужик. Успешных холостяков да с порядком в голове мало... В основном нужно тянуть и вкладываться. Как ты делала. Да? Но только не с женатыми. Их уже обработали, как надо. Достаточно забрать и продолжить лепить или наслаждаться чужими трудами.

Она снова и снова наполняла стопки, а потом, забыв о дите, цапнула с тарелки остывший кусочек говядины.

— Ля! Как же вкусно!

Маликина застыла, посвайпала то в одну, то в другую сторону, а потом отдала смартфон мне.

— В push обычно строчат телки, которые не хотят палить свои номера.

Я листала чужой инстаграм и, кажется, трезвела прямо на глазах.

— Я могу найти в инсте кого угодно, — вещала Лина рядом, часто-часто бренча посудой о стол. — Так что брось реветь, надумывать и искать причины его исчезновения.

У Мучнова, в отличие от меня, все было очень даже хорошо. Он, судя по указанному местоположению, исследовал

Грузию в объятиях девчонки, которая была очень похожа на нынешнюю Эвелину – высветленные волосы с темными прядями, скорректированные, вздернутые ботоксом губы и убравший все неровности кожи макияж.

— У него ведь нет ничего, — проговорила я, взглянув на Линку. — Ни квартиры, ни машины, ни работы...

Впрочем, насчет работы я не была уверена. Его компания «угрожала» ему командировками. Но ведь не через месяц работы? Я бы спросила об этом, если знала, куда звонить!

— А тебе не пофиг, Галактионова? — осведомилась Эвелина, вздернув крашеную бровь. — Он тебя держит в качестве запасного аэродрома, а ты ищешь логику в людских поступках!

Я пролистнула счастливые фото с невероятно влажным и еще бледным не загоревшим Мучновым, потянулась к своему гаджету и оттолкнула его от себя, раздумывая, что я сделаю, как и когда.

— Не пиши ему и не звони! — запоздало посоветовала Маликина.

Так я и собиралась сделать, а еще решила развестись, не дожидаясь, когда он привезет грузинской лапши мне на уши.

— Во!

Линка совершенно неприлично ткнула мне пальцем в лицо, чуть не попав в глаз.

— Мне нравится этот взгляд! Что собралась делать?

— Сделаю ему сюрприз и оставлю без аэродрома.

Отныне он проблема этой Викули-кисули.

Глава 7

Глава 7. Андромеда

— Скажи «спасибо», что у вас нет детей, — сказала Эвелина в каком-то клубе.

Она затащила меня туда, как только мы осушили бутылку с темно-янтарным, почти шоколадным напитком.

— Как хорошо, что у нас нет детей, — прохрипела я, взглянув на себя в зеркало чужой ванны.

Вид у меня был тот еще: всклокоченная, бледная и ужасно помятая.

Надо думать! После проведенной безумной ночи с предшествующими событиями и совершенными открытиями будешь выглядеть именно так.

Не помню, когда в последний раз совершала подобное турне по кабакам, а заведения, которые пожелала посетить Маликина, иначе и не назовешь. Ну и что, что они назывались клубами! Танцевали мы совсем немного – пили в основном.

— Лин? — позвала я подругу, не решаясь пройти к ней в спальню. — Ты спишь?

Она могла быть в комнате не одна.

Но... Все говорило о том, что кроме нас в огромной квартире нет никого.

Одежда, которую под утро стаскивала с себя Эвелина, так

и валялась на полу коридора нетронутой. В просторном холле не прибавилось обуви. Мои кроссовки стояли чуть поодаль друг от друга, как будто пытаюсь догнать разбросанные ботильоны Маликиной. Она просила меня не париться ни о чем, когда мы приехали к ней в квартиру, прошли мимо недовольного швейцара и оказались в огромных и, добавлю сейчас, шикарных хоробах.

— М-м-м, я больше не хочу текилы, — промычала спящая, зарывшись в подушки кровати.

Она добавила еще что-то нечленораздельное, а я, накинув ее вещи на напольную деревянную вешалку, отправилась сначала в коридор за брошенным рюкзаком, а потом обратно к воде, мылу и шампуням.

Очень хотелось принять ванну, несмотря на ранний час. Только она могла помочь мне облегчить мое состояние, что говорить про всевозможные запахи.

Иначе хмель вернется, и я буду весь день сама не своя, бросаемая то в жар, то в холод, то пьяная.

— Как хорошо, что у нас нет детей, — повторила я своему отражению и медленно покачала головой.

Вот только я хотела ребенка. Одно время невероятно сильно. А потом отказалась от этой затеи на какое-то время.

Отрезвела после слов мамы на смертном одре, которая заклинала не повторять ее ошибку. Она просила не рожать детей, пока не встану на ноги и не почувствую, что могу дать им все.

— Не живи в нищете и не учи детей этому. Поняла меня, Эда?

Мама дала мне и Славке жизнь, детство и образование, а потом как будто расслабилась, позволив себе перестать быть сильной. Мелко-клеточный рак легких съел ее за считанные мгновения.

Она ушла, а я пообещала добиться достатка и... Стою в чужой ванной комнате, да.

— Как хорошо, — проговорила я, но фразу продолжать не стала, погрузившись в горячую воду.

Вынырнула я буквально через несколько секунд, испугавшись звуков снаружи, потому что в квартире кричали.

— Тебе можно приходить под утро, а мне нельзя провести время с подружкой?! Сам ты где был? Где шлялся всю ночь?

Хороший вопрос, услышав который, я кивнула, таким образом поддерживая подругу.

— У тебя что не день, то повод, чтобы нажраться! Мне проще посчитать дни, когда ты не пила и ночевала дома, чем наоборот!

— Где ты был? — спросила Лина, словно не услышав его претензий.

— Я был дома. Спал на диване в нашей гостиной.

— На диване?

Я замерла, боясь пошевелиться.

Стало немного страшно и так неловко, что алкоголь в моей крови быстро испарился или переродился во что-то дру-

гое.

Бросив взгляд на дверь и убедившись, что заперлась, я продолжила слушать дальше, а потом, спохватившись, поползла обратно в воду, подумав о том, что какой же, Боже мой, стыд.

— Ты не мог бы не орать? — слышалось, когда я вынырнула из воды. — У нас гости!

Теперь я точно знала, что делать дальше. Сматываться отсюда!

— Достаточно? Будет тебе твой завтрак!

Я наспех помылась, оделась, привела все в порядок и, скрутив грязную одежду в комок, вышла из ванной.

— Эвелин? — позвала я, поискав глазами рюкзак. — Ты не проводишь меня?

Встревать в семейные дразги, отсиживаться в комнате, слушать бранящихся и делать вид потом, что все хорошо, не хотелось. Но и уходить втихаря тоже.

— Ты куда? — спросила Эвелина, застав меня за натягиванием кроссов.

— Я пойду. Я не вовремя. Тебе не до меня сейчас.

— Успокойся. Он ушел уже. Разувайся-разувайся!

— Он вернется, а мне не хочется ставить тебя в неудобное положение, — проговорила я, выпрямившись.

— Не вернется. Не в ближайшие несколько часов. Поехал успокаиваться на свою обожаемую работу.

Это чуть-чуть утешило меня, позволив поддаться малоду-

нию. Идти в очередной раз черти куда не хотелось.

— Куда пойдешь? — напомнила подруга, закутавшись в халат. — Тебе ведь некуда.

Я разулась, повесила куртку в шкаф и прошла за Линой на просторную кухню с расположенным на ней еще одним столом-островом.

— Кофе пить будешь?

— Не отказалась бы.

Помятая Лина ходила по обустроенной кухне, хлопала шкафчиками, распаковывала и засыпала зерна.

— Кухарки у меня нет. Андрей считает излишеством иметь постоянную прислугу в квартире.

Очередное совпадение?

Однако по спине прошелся озноб, а по плечам высыпали мурашки.

Лохматая Линка продолжала ползать по кухне.

— Давай я сделаю кофе и завтрак, — предложила я, сжалившись, — а ты сходишь в душ, отойдешь немного и приведишь себя в чувство.

Линка появилась за столом через полчаса. На последнем уже стояла яичница, кофе и тосты с маслом, джемом и авокадо.

— Ты даешь! Меня не было полчаса максимум.

— Перестань, — проговорила нисколько не польщенная я. — Это все пустяки и до настоящего завтрака тут далеко.

Первые минуты мы ели молча. Потом Маликина решила

извиниться, а как по мне — было не за что. В семье бывает всякое, и тут нет вины, что кто-то оказался свидетелем ссоры.

— Ему надо, чтобы я дома сидела, варила борщи и рожала ему детей.

— А ты не хочешь этого? — спросила я, отхлебнув кофе. Кажется, что все стало возвращаться к тому, что Маликина зажралась, но оказалось, что это не так.

— Хотела три года назад, а потом перехотела. Я не стала уточнять почему. Она сама рассказала все. — Два выкидыша. Три года лечения послеродовой депрессии. Я так больше не хочу.

Кажется, у меня кусок застрял в горле.

— Лин!

— Не хочу сидеть дома и ждать его круглыми сутками. — Я поднялась, подошла к ней и обняла за плечи. — Плакать и ждать, — проговорила она глухим голосом, уткнувшись мне в плечо носом.

Она и сейчас плакала, а я обнимала ее, гладила по спине и думала о том, какие же они все-таки наглые и отмороженные сцуки.

— Лин, все хорошо. Все обязательно наладится. Это период такой. Все семьи проходят через трудности, и у вас будет так. Ты ходишь к психологу? Нет? Тебе обязательно нужно поговорить с кем-то, кто не сморозит глупость и не обидит тебя. Тот, которому ты сможешь рассказать все, не думая об

осуждении.

Я говорила, чтобы как-то успокоить ее и себя. Мне самой хотелось плакать. Уж и не знаю отчего. Я хотела успокоить ее и под «сморозит глупость» имела в виду конкретно себя.

Что я знала о беременности, кроме того, что знали все?

Ничего.

— Надо вновь идти умываться, — проговорила Лина, затихнув наконец.

Она отклонилась от меня, смутившись, а я подумала о том, что она хорошенькая даже когда плачет. Меня бы уже разнесло во все стороны, а у нее только глаза и нос слегка покраснели.

— Где у тебя аптечка? Есть у тебя что-то успокоительное?

— Да. В холодильнике. В дверце стоит бутылка.

Мне не понравилось ее лекарство, если так можно было его назвать. Огромная бутылка вискаря – это не медикаменты.

— Лин, я имела в виду пустырник, корвалол или, на худой конец, ромашковый чай.

Знаете, я очень по-дурацки себя чувствовала, читая нотации взрослой женщине, волнуясь и одновременно злясь на нее.

Мы не виделись тысячу лет. Я беспокоюсь о ней, а она и ее мужик ведут себя, как тупые подростки.

Один недооценивает, если напрочь не видит возникшей проблемы и требует внимания к себе. Другая как будто на-

смотрелась дешевых сериалов и топит свою грусть в рюмке.

— Мы не держим таблеток, — проговорила Лина, уходя в ванную, но через пару секунд вышла из нее с полупустой коробкой, протянув мне ее. — Если только тут пошукать.

Там нечего было смотреть и по-хорошему стоило выбросить все, кроме бинтов и пластырей — на упаковках препаратов для пищеварения и от головной боли стояли просроченные даты.

— Проще вызвать врача или поехать в клинику, чем держать это дома и заниматься самолечением.

На мгновение мне стало не по себе. Показалось, что она разыгрывает меня. Линка создавала впечатление избалованной и ни на что негодной барышни. Вот только она не могла быть такой, потому что ее отправили в богатую жизнь не тогда, когда ей было пять лет, а пятнадцать!

— Можем съездить в аптеку. Ты поедешь со мной?

Я кивнула, оставшись на кухне, сделала глоток кофе, а потом ответила на звонок:

— Да. Я слушаю.

Сердце при виде длинного и непривычного номера екнуло, не обманув меня.

— Мисс Галактионова?

— Да. Это я.

Мне звонили прямиком из Америки и принесли недобрые вести:

— Мы нашли вашего брата. Он попал в аварию два дня

тому назад.

Что-то внутри меня упало, а я вопреки этому встала.

— Что с ним? Он жив?!

Кажется, что я закричала, и это не удивило никого.

— Да. Его автомобиль перевернулся и выехал в кювет. К сожалению, из-за буйной растительности Вермонта, ее не увидели сразу – помощь не была оказана своевременно.

— Что с ним? Он жив? Пожалуйста, скажите, что он жив!

— Он жив, но его состояние критическое. Впрочем, давайте я дам вам номер клиники, и вы позвоните, узнаете все сами?

Я так и сделала, шагая по квартире и не видя ничего вокруг. В горле стучало. Пока ждала ответа врача, я только и делала, что молилась, прося Бога о том, чтобы тот сохранил Славке жизнь, о том, чтобы у него были на месте руки и ноги.

— Состояние вашего брата стабильное, но критическое. Мы наблюдаем за ним и оказываем ему помощь, но, мисс, этого недостаточно.

Мой Славка попал в бесплатную клинику, потому что не успел, забыл или зажилить сделать страховку.

— Мы пробили его имя по страховой базе. У него нет американской страховки.

— Но есть российская. Она должна быть у него!

Стало очень нехорошо, и я села, глядя мутным взглядом на темные стены вокруг.

— Мисс, она хороша для вашей страны. В Америке

несколько иные цены. Сумма на ней едва ли покрывает терапию, а есть еще и операция на мозге, которую нужно провести, чтобы ваш брат не остался инвалидом и встал на ноги как можно быстрее.

Он назвал примерную сумму, от которой у меня закружилась голова. У меня никогда не было таких денег одной суммой.

— Если бы у него была американская страховка, то сумма была бы значительно меньше.

— Скажите, что можно сделать в этом случае? Как вы понимаете, у меня таких денег, и я вообще нахожусь в другой точке мира.

— Я бы посоветовал вам оформить страховку, и чем быстрее вы это сделаете, тем лучше.

Врач дал название страховых компаний, с которыми сотрудничает клиника не для бедных.

Я повесила трубку, положила телефон и уставилась невидящим взглядом в его светящийся экран.

Потом подобрала его, принявшись гуглить сайты организаций и знакомиться с условиями приобретения «полисов». Условия были божескими. Суммы выходили не такими астрономическими, отличаясь от назначенной в наличке раз в сто. Но только при условии, что я куплю минимальный план, а нужен был Platinum, чтобы он покрыл почти все медицинские расходы, но и в этом случае пришлось бы доплатить со своего кошелька не меньше десяти процентов от стоимости

лечения.

— Ань, ты чего?

Меня потрясли за плечо, а я все думала-думала-думала.

— Ань? Ты меня пугаешь!

Я тоже пугала себя своей ни на что негодностью. Я прикидывала, как и где могу достать такие деньги, и не могла придумать.

— Ты можешь сказать, что случилось?

На ум стали приходить совсем безумные варианты – стать донором и продать почку.

— Ты кричала. Тебе Валерка звонил?

Я покачала головой, жалея, что потеряла девственность когда-то. Ее можно было продать без медицинского вмешательства. Только надо было бы найти кому, а это тоже время.

— Слава попал в аварию. Ему требуется срочная операция, чтобы не пошли осложнения, и он не остался инвалидом.

Я сделала вдох, а потом еще один и еще, справляясь со слезами и не желая верить в то, что оставлю все вот так.

Все шло к тому, что я приеду к нему не раньше, чем через полгода, когда накоплю денег и не сдохну при этом.

Что будет с ним тогда?

— Ань, ты не плачь, — пыталась утешить меня Эвелина.
— Уверена, можно что-то придумать.

Она попыталась отпоить меня своим успокоительным, но я отказалась от него. Одно дело оплакивать неудачный брак,

а другое – топить реальную проблему.

— Не нужно. Эвелин, мне нужно работу искать, чтобы накопить или взять в кредит.

— А сколько нужно?

— Мне нужно не меньше десяти тысяч долларов.

Маликина села рядом со мной, сделала глоток и замолчала, но ненадолго.

— Галактионова, а что, если тебе родить ребенка?

Я поняла ее мысль, но, как по мне, быстрее было продать почку, чем найти родителей, пройти подготовку, а потом выносить для них ребенка.

— Кому? — Я сглотнула, вновь подобрав со стола гаджет.

— Лин, это очень долго.

Я принялась гуглить.

— Мне. Ты слышишь?

Я подняла на нее взгляд, не веря и не понимая.

— Ань, я не могу дать тебе деньги. Но я бы сделала это. Правда! Просто они все у Андрея. А у него так много принципов. Он не дает их просто так. Понимаешь?

Глава 8

Глава 8. *Андромеда*

— Я не знаю, что сказать тебе, Лин, — проговорила в смешанных чувствах. — Мне надо подумать. И тебе, как мне кажется, тоже.

У меня возникло какое-то двойственное ощущение из сиюминутной радости и мгновенно выпавшего осадка, что засыпал собой и тут же сковал все внутренности.

— А что тут думать? — спросила она, спрыгнув со стола. — Андрей давно хочет ребенка.

Маликина ушла куда-то в комнату, не обратив внимания на упавшие со стола бумаги. Она загремела чем-то в соседней комнате и вновь уронила что-то.

— Ань, иди сюда!

Я еще смотрела на смартфон, приходя в себя и заземляясь на том, что теперь называлось моим домом.

Смартфон с контактами, картами и фотографиями – это единственное, что осталось у меня от прошлой жизни.

Надо было быть такой дурой, чтобы так слепо доверять Мучнову. Денег от продажи комнаты хватило бы на то, чтобы вытащить Славку из больницы. Взяла бы в кредит недостающую сумму, а не будь совсем идиоткой, то и попросила бы у кого-нибудь в долг.

Почему идиоткой?

Потому что надо было общаться с кем-то, не слушая недовольный звездеш Мучнова. Ему казалось, что они плохо влияют на меня, а я поддалась ему, успокоила и ушла в семью, посчитав, что лучше моих разъехавшихся по стране девченок уже не будет никого.

— Ань? Где ты там? Мы едем в аптеку?

Я прошла в спальню, застав Эвелину сидящий за туалетным столиком с включенной подсветкой у огромного зеркала. Она орудовала спонжем, нанося на лицо тональный крем, смотрела на меня, а потом и на смартфон, покоящийся в лапках керамического зайки.

— Ты понимаешь, что это твой единственный годный вариант?

Я оперлась о дверной косяк, глядя в ее отражение.

— А ты понимаешь, насколько это серьезно?..

— Для тебя – да.

От ее ответа в моем мозгу перевернулось что-то.

— Лин, — начала я и тут же проглотила фразу о том, что приходит с появлением детей. — Тебе нужно поговорить с мужем, несмотря на свою уверенность в том, что он будет рад этой идее.

Все взрослые люди и не нуждаются в наставлениях об ответственности от той, у которой нет детей.

Они знали это, когда пытались забеременеть естественным образом.

Должны были понимать это, да?

— Мы уже обсуждали с ним этот вариант.

— Поговори с ним еще раз, — настояла я, не двинувшись с места. — Я не хочу, чтобы меня обнадежили, а потом опрокинули со словами: «Мы решили, что нам лучше быть чайлдфри».

Она не сказала «хорошо», а расхохоталась, демонстративно подобрав трубку с яблочком.

— Это не про Андрея.

Ее ответ царапнул меня.

— По телефону?

— Ань, я не такая легкомысленная, как видится, — ответила Маликина, свайпая то влево, то вправо. — Я же должна позвонить ему, чтобы увидеться, правда?

Я вздохнула, отправившись на кухню.

Мне, наверное, просто не дано понять эту семью.

Пока я убирала со стола и мыла посуду, Маликина разговаривала с мужем, блуждая по квартире, а, появившись на кухне, скорчила гримасу. Зажав динамик, она прошептала:

— Обиделся на меня! Прикинь?!

Я дернула плечом, отказываясь комментировать чужое поведение.

— Ты в этом пойдешь? — спросила она, когда я появилась на пороге спальни.

Воодушевленная Эвелина крутилась у зеркала с модным феном в руках.

— У меня больше нет ничего, — откликнулась, понимая,

что нужно купить что-то на смену. — Что сказал муж?

Эвелина отложила фен, прошествовала мимо, но в последний момент цапнула меня за руку, утянув за собой в до этого закрытую комнату.

Это была гардеробная. Целая комната была наполнена одеждой, обувью, аксессуарами и зеркалами. Тут можно было жить при желании.

— Хотела бы я сказать тебе выбирать, но ты побольше меня.

— Ты договорилась о встрече? — спросила, заставив себя сделать это.

Мне все еще было не по себе, и казалось, что я упускаю что-то.

Но что?

Банк не даст мне такой кредит без залога. Просить в долг? Теоретически я могу это сделать, но не наберу всю сумму. Подружки выручат, но и сами они не миллионерши. В отличие от той же Эвелины, которая дала бы деньги, если бы не ее муж. Если просить у него, то какими гарантиями оперировать? Что ему отдаст деньги неизвестный ему Славка, который еще неизвестно когда встанет на ноги?

— Нет. Он не взял трубку.

— Тогда с кем ты разговаривала? — удивилась, глядя на то, как она выносит пакеты с вещами.

— Отправляла ему голосовые сообщения, — объяснила мне Маликина. — Вот, смотри.

В пакетах лежала одежда (некоторая была еще с бирками неизвестных мне брендов), которая стала Маликиной велика, после того как она похудела до сорокового размера одежды.

— Переодевайся, а эту суй в стирку. Прачечная находится возле коридора. Ты видела дверь.

Я не была фанатом обмена одеждой, предпочитая покупать новую или, на крайний случай, идти в секунды, чтобы не знать о людях, которые до этого носили ее.

Я отмачивала ее в соли, уверенная в том, что это снимет ауру хозяина прежнего владельца.

— Ты всегда была странной, Галактионова, — резюмировала Маликина, вытаскивая новые брюки. — Если уж и выбирать чью-то ауру, то мою. — Она сунула мне в руки вещи и продолжала нагружать, болтая без остановки: — Я удачно замужем. Ни в чем не нуждаюсь. Живу в Москве. При богатых родственниках. Ты так не хочешь?

— Думаешь, что надену это – и они сразу же отпочкуются от меня?

— Если станешь суррогатной матерью для нашего ребенка, то считай, что породнишься с нами.

Что-то подсказывало мне, что все будет с точностью до наоборот.

Я ведь видела эти передачи про суррогатных матерей, которых кинули, избегали и предпочитали не вспоминать, как о тех, кто знает о чужих неудачах.

Блин! Если я решусь на это, то действительно стоит продумать все, чтобы не остаться на бобах.

— Только тебе придется пообещать мне кое-что уже сейчас.

Она выпрямилась, держа в руках остроносые ботильоны.

— Что?

— Ты ни разу не посмотришь на моего мужика!

Требование было неожиданным и таким невероятным.

Мы были разными с Эвелиной. Я обычная и не могла соперничать с ее идеальной красотой.

— Ну?

— Ты это несерьезно. Он хочет от тебя детей, а ты...

— Обещай.

Я сделала это, думая лишь об одном – о Славике. Надо было торопиться. Но быть быстрее было просто невозможно.

— Сначала зовешь к себе в дом, а то и в родственницы, а теперь переживаешь, что уведу его у тебя?

Я покачала головой, делая вид, что не замечаю ее задумавшийся взгляд.

— Долго будет обижаться твой Андрей? — спросила, пожившись от пробежавшихся по спине мурашек.

Произношение знакомого имени окатило воспоминаниями. Перед глазами пробегает одна из сцен случившейся ночи. Я думаю о ней, несмотря на собственные увещевания забыть и не вспоминать никогда.

Сегодня будет третий день, когда я ночую у Эвелины и

чувствую себя ужасно неловко при этом. И тому виною все: и случившееся со Славкой, и собственное бедственное положение, заставившее потерять почву под ногами.

Кажется, что я ничего не делаю, хоть и ищу работу при этом. Отправлена тонна сообщений и проведено одно собеседование на чужой кухне в компании готовящегося на плите борща. Ходить по ресторанам накладно, а за чужой счет очень неудобно, несмотря на уверения, что все в полном порядке.

— Ты куда-то торопишься? — осведомляется Линка, пока я вынимаю вещи из сушилки. — Понимаешь же, что несколько дней ничего не дадут.

У нее не дом, а волшебный дворец, в котором предусмотрено все, чтобы облегчить жизнь современной хозяйки. Умный дом заботится о свете, музыкальном фоне, воде в кофеварке и даже о продуктах в холодильнике. Я до сих пор в шоке, вспоминая, как в двери ни с того ни с сего постучался курьер с полным пакетом продуктов.

— Мне — может быть, — откликаюсь, забирая у нее плечики, чтобы повесить на них блузку, — но не Славке.

— Он не звонил мне, а я не стану бегать за ним, — сказала Эвелина, относя одежду в гардеробную. — Не дождется.

Если бы я не оказалась на улице, не случись этого всего, беспокоилась ли я о том, что мой муж пропадает черт знает где?

Я бы думала о нем ежечасно и уже напридумывала себе,

как было в первые минуты Валеркиного исчезновения.

Вот только что бы я сделала, если бы он не брал трубку? Стала бы вести себя так, как Маликина?

— Сколько могут длиться такие ссоры? — любопытствовала, глядя на то, как Линка крутится у зеркала в блестящем платье.

Говорить Линке о том, что сейчас можно было пойти мужику навстречу, бесполезно — она еще болеет и прячется за инфантильным поведением.

Обида мужчины кажется смешной по сравнению с ее тараканами в голове.

Мне же не стоило лезть в это со своей «выгодой».

— Обычно не больше дня, — ответила Маликина, схватив вешалку с аксессуарами. — Думаешь о том, что он изменяет мне?

— И в мыслях не было, — призналась я, но вопреки словам покраснела.

Это было не из-за ее Андрея, а из-за моего будущего бывшего и позавчерашнего приключения.

— Он не такой.

— Я тоже думала, что Валера не такой, но ты сама видела его бабу.

Я присела в кресло, посмотрела в смартфон и улыбнулась — Славка «прочитал» голосовое сообщение. Точнее это сделала медсестра по моей просьбе: она включала аудио для лежащего в коме брата. Его смартфон нашли благодаря душ-

ке-офицеру.

— Он и правда не такой. Андрей старомоден, а еще у нас брачный контракт, в котором говорится, что за факт измены я получу пятнадцать процентов от его имущества.

— Так он старомоден или жаден? — улыбнулась, не переставая удивляться.

Не нужно было.

У этих людей денег куры не клюют.

Это другой мир со своими правилами безопасности, гарантиями и обязательствами.

— Наверное, и то, и другое, — откликнулась Маликина, а потом очень жестко добавила: — Но он никогда не изменит мне.

Стало не по себе. Я вновь поймала себя на том, что думаю о психопатическом поведении Эвелины. Ей срочно нужно к психологу.

— Откуда такая уверенность?

— Я позаботилась об этом.

Она наняла частного детектива, чтобы тот следил за ним. Но как это касалось ее уверенности в нем? Неужели он знает об этой слежке?

— Давно вы вместе? — поинтересовалась я, глядя на то, как Маликина вновь переодевается.

— Пять лет.

Она заканчивала институт в Чебоксарах, подцепив Андрея, забеременела, и тот позвал ее замуж.

— Чувствуешь воспитание? — спросила она, поморщившись при этом.

Кажется, что микро-складки на ее аккуратном носу посвящались свекрови и всему, что она думает о ней.

— Большой был срок, когда вы поженились?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

Только это могло объяснить отсутствие их совместных фотографий в доме.

— Просто я себе там не нравлюсь. Похожа на свинью в фате.

Она подошла ко мне с двумя вешалками и сделала знак подняться.

— Тебе идет черный! Прямо бум!

— Лин, у меня достаточно вещей. Ты балуешь меня!

Она почти восполнила мой гардероб. Отдала столько одежды, что можно было не повториться в образах три недели к ряду!

Не знаю, что ей нравилось больше: расхламляться за мой счет или наряжать меня и таким образом играть в куклы.

— У тебя нет ничего, чтобы в сопровождении подруги пойти в ресторан в будний день.

— Лина!

— Ань! Надо уметь отвлекаться! На тебя столько навалилось за эти дни! Что, все время работать? Тем более, ты же хочешь, чтобы все случилось быстрее? Пойдем в тот, в котором чаще всего видят моего благоверного.

Я согласилась только из-за последнего аргумента. Делать этим вечером было нечего. Ведомая и подгоняемая страхом, я делала все очень и очень быстро, засиживаясь допоздна и открывая глаза с первыми лучами солнца.

Я умудрилась подать заявление на развод, обратившись в местный суд; отправить документы на получение загранпаспорта; про резюме и собеседование я уже говорила.

— Может мужика тебе подыщем.

Мне не до них сейчас.

— Ничего не получится, Эвелин, — проговорила я, уронив смартфон на пушистый ковер. — Ты читала условия для того, чтобы стать суррогатной матерью?

Она не видела их и не задумывалась об этом всерьез, как утверждала ранее. Иначе Маликина знала бы о том, что у меня должен быть ребенок.

Что меня дернуло погуглить эту тему?

Долгие сборы Эвелины. Она готовилась к выходу весь день, но оказалась совершенно не готова, когда подошел нужный час.

— Получится, — ответила она упрямо, отдав мне мой гаджет.

Подруга только усмехнулась, отвернувшись к зеркалу.

— Лин, ты видела требования? У меня уже должен быть ребенок!

— Галактионова, мы не простые смертные и вполне можем позволить себе обойти закон.

Мне стало интересно, а как относится к этому ее муж? Он действительно одержим идеей потомства?

Я только поэтому отправилась в ресторан, но перед этим убедила Эвелину помочь мне, если он откажется, уговорить своего супруга дать денег в долг.

— Управляющий сказал, что он обещал быть в течение нескольких минут.

Она выразительно приподняла брови, сотворив требовательный взгляд.

— Повтори еще раз!

— Эвелин!

Она задрала своими фобиями и перекладыванием с больной головы на здоровую.

— Или уходи! — поставила ультиматум Эвелина Маликина.

Возможно, это мой шанс уйти? Но я остаюсь. Я должна постараться сделать все для Славки и получить эту работу.

— Я обещаю тебе, что ни за что и никогда не взгляну на твоего мужика. — Чувствую себя по-дурацки при этом.

Эвелина удовлетворенно кивает мне. Я же вздыхаю, избегая смотреть на нее, потому что обязательно пожалею, и Элька увидит это, спросит, а я не смогу соврать ей, но и правды не выдам, стану говорить о ее светлых качествах и увижу еще что-то, что пугает меня в ней.

Мое сердце екает, стоит посмотреть налево, и это дерганье как будто опрокидывает во мне что-то теплое, тревожащее

и знакомо чувственное.

Я смотрю на вышедшего в зал мужчину. Мне знаком его профиль. Я запомнила его, запечатлев тем утром. Я знаю его напористость и пыл, но еще не видела, как он общается с другими людьми: внимательно слушает их и не спешит перебивать, как было со мной.

Я знаю его руки, которыми он берет протянутый ему планшет. Они такие горячие, сильные и нежные.

Я знаю его голос и дыхание, хоть и не слышу их сейчас.

— Эвелин, а кто этот человек? — спрашиваю я без задней мысли. — Управляющий?

В моей голове ничего не сложилось при взгляде на него.

Какова была вероятность того, что я встречу знакомого в таком большом городе? Никакая. Поэтому простая арифметика и не родилась в моей голове, которая решила, что он управляющий ресторана.

— Андрей! — Голос Маликиной вырвал меня из гипнотического состояния.

Я с нарастающей паникой следила за вскочившей из-за стола подругой, за тем, как она идет в сторону того самого Андрея и тянется, чтобы поцеловать его. Не могу отвести взгляд от них даже тогда, когда он смотрит в мою сторону.

— Считаешь, что нужно и можно обсуждать наши семейные дела здесь?

— Ты не отвечаешь на мои звонки и сообщения.

Только теперь я понимаю все. У меня был шанс отказаться

от этого всего. Но не сейчас, когда они идут ко мне.

— Значит, была причина.

— Поэтому я пришла сама, чтобы поговорить с тобой. Ты слушал мои сообщения? Не обвиняй меня после этого, что мне неважно, что происходит между нами.

— Разумеется, милая, — говорит он, отстраняя ее от себя, — но больше не приходи сюда.

Я хочу сквозь землю проваливаться, только бы не видеть и не слышать их, но не могу, потому что буквально приросла к месту, стоило ему бросить взгляд в мою сторону, а потом и двинуться ко мне.

— Андрей, познакомься. — Эвелина останавливается возле стола, сияя, словно бенгальский огонь в темную зимнюю ночь. — Это Аня! — говорит она, глядя на меня и не видя, как смотрит на меня ее мужик. — Будущая мама нашего ребенка.

Я поднимаюсь и, кажется, что у меня дрожат коленки, протягиваю руку, и он пожимает ее.

— Здравствуйте, Андрей Генрихович, — говорю, не узнавая собственного голоса.

Он держит мою ладонь, впившись мне в лицо своими светлыми глазами. Они вспыхнули сначала, а потом потухли, превратившись в светлые льдинки. Он узнал меня и тут же сделал вид, что это не так.

— Здравствуйте, Аня.

Я могу поклясться, что услышала горечь в его голосе.

Глава 9

Глава 9. Андрей

— Андрюша, милый, — раздался голос матери совсем рядом, — а ты что здесь делаешь?

Несколько секунд все происходящее: запахи, голоса и прикосновения — казалось деталями сна. Но потом я открыл глаза и посмотрел на сидящую рядом маму.

Она убрала руку с моего плеча, переместив ее на мою кисть и похлопав по ней.

— Сплю, — ответил я, не придумав ничего лучше.

— Это я вижу, — откликнулась она, наградив улыбающимся взглядом, — у меня другой вопрос.

Мама поднялась с кровати и проследовала к окну, чтобы отдернуть шторы, да приоткрыть фрамугу, впустив в спальню свежий воздух.

— Почему здесь, а не на Кутузовской? Как спрашивал вчера?

— Разве я о ней спрашивал? — Я повернулся на левый бок и, естественно, не обнаружил там никого. — Мне было ближе до Владыкино.

Сев в кровати, я потянулся к брошенной на стул одежде, взял туго связанный комок и повертел его, не понимая, что не так.

— И как тебе спалось, милый?

В голосе матери слышалось веселье.

— Отлично.

Я развязывал вещи, мечтая одеться и костеря на чем свет стоит рукодельницу, сделавшую это.

Она была затейницей не только в кровати.

Очень хотелось знать, куда делась девушка-космос, чтобы найти ее после того, как закончится все это.

— Никто не помешал тебе?

— Никто, — бросил я, поднимаясь. — Помогали в основном.

— Правда? — переспросила она, но едва ли не пела от радости.

— Правда-правда, — подтвердил я, накинув несвежую рубашку. — Сейчас вернусь.

— Наконец-то! — крикнула она мне в след. — Давно пора, Андрей!

Я отправился в ванную, чтобы умыться, оказавшись в ней, понял, что испытал разочарование, не обнаружив там никого.

Надеяться на детский сад, то есть на то, что девушка прячется в ней, было глупо. Она ушла, не оставив ничего кроме «послания» и слабого запаха тропических духов.

Но я ждал, что она оставит хоть какое-то послание, признание, обещание.

— Так что же? — спросила родительница, когда я появился на кухне.

Она разогревала остывшую пищу, к которой я не притронулся накануне. Есть одному, как обычно, не хотелось, а вот спать и прижимать к себе податливое нежно тело — очень даже.

— Решился?

Я дернул плечом, присаживаясь за стол.

— Можешь рассказать, что способствовало этому?

У мамы был счастливый вид. И немудрено.

Она презирала Линку с первого дня ее появления в моей жизни. Презирала, терпела и ждала, когда меня отпустит, потому что вмешиваться с ее стороны было бесполезно. Сама научила так и не могла же она идти против себя?

— Одна кровать... тепло и невероятно притягательный аромат.

Я не назвал последние две причины, а только подумал о них, повертев в руках стакан с холодным кофе. Надо было разбудить ее, а еще лучше не дать уснуть, заставив продержаться до утра.

— Я не об этом.

— А я об этом, — сказал, подняв взгляд на мать. — Как зовут девушку, которую ты оставила здесь до утра?

Сияющий вид Варвары Никоновны Кагановской немного померк.

— А она не представилась? — съехидничала она, ставя передо мной тарелку. — Что тебе до нее?

Я еще не знал, что мне нужно от девушки со звездным

именем. Просто меня еще не отпускали ощущения ночи и не закрытый гештальт — хотелось сравнить, как будет утром, выпить с ней кофе и узнать, что она за человек на ясную голову. Развеять, так сказать, вселившийся в голову морок.

А он был незабываем, черт ее побери!

— Она ведь замужем, — напомнила мама, скривив губы.

— Я тоже женат.

— Но ты собрался разводиться, так?

Я не сказал ей этого, но все было понятно из факта случившегося.

Помнит, что я сказал ей года два или три тому назад, когда в сердцах просила вспомнить, что есть другие женщины. Я обещал тогда, что вспомню о них, когда разведусь со своей супругой.

— Так как?

— Андромеда, — выдала мать, нехотя. — Андрей, я прошу тебя не бросаться от одной лярвы к другой.

Она и отец гордились тем, как воспитали меня.

Я же воспринимал это как данность.

Глядя на родителей с их крепкой и нежной любовью, хотелось, чтобы так было и у меня, верилось, что иначе и быть не может. Должна была быть любящая красавица жена, крепкая семья, детишки и дом полная чаша.

А как оказалось? Что было на самом деле? Только последнее.

— Пусть разбирается со своей семьей, а ты со своей.

— Это я знаю, — проговорил я, когда она закончила. — А фамилия?

Мама покривила губами, показывая свое недовольство.

— Мам, я ведь все равно узнаю, — поторопил я, крутанув смартфон между пальцев. — Так что помоги мне, пожалуйста.

Она ушла в коридор, зашумев в нем молнией сумки.

— Мучнов Валерий Павлович, — прочитала она и, уверен, сделала это специально, чтобы напомнить о замужестве незнакомки. — Значит, она Мучнова.

Подобрав смартфон, я набрал сообщение новоиспеченному, но уже отличившемуся начальнику безопасности.

Неприятие к нему было алогичным.

Швецов помог мне разобраться с личной жизнью, поймав сыщика и раскрутив его на информацию, которая всплыла бы, но неизвестно когда. Однако в этом то и была моя проблема: никогда и никому не будет приятно оказаться в дураках в глазах собственных подчиненных.

— Хотя я не уверена, что это она, — проговорила мама, нетерпеливо заерзав на месте.

Она хотела поговорить о другой женщине, и ей не терпелось сделать это, в отличие от того же меня. Рот как будто кровью наполнялся, стоило только подумать о том, чтобы начать говорить об этой твари.

— Почему?

Мама пожала плечами.

— Баб Наташа говорит, что она проститутка, не иначе.

Пришлось выслушать версию соседки-чекистки. Она утверждала, что прошлый квартирант-кобелина таскал в дом лядей и съехал с нее, как только появилась жена.

— Мучнов съехал, а проститутка приехала по привычке?

— полюбопытствовал я из чистой вредности. — Ладно, а ты почему оставила на ночь эту аморальную личность?

Зная характер своей матушки, я был уверен в том, что она, как это сейчас говорят, натягивает сову на глобус. Она всегда отличалась высокими принципами, и я не удивлюсь, если вдруг окажется, что прежний клиент съехал именно с ее подачи. Не зря же она прикармливает баб Наташу?

— Она паспорт мне показала, была убедительна и...

Что было за тем «и» я так и не узнал. Это было не важно. Ведь мое мнение о пылкой и воинственной Андромеде сформировалось самостоятельно.

— Ты лучше расскажи, что с Эвелиной.

— Мы разводимся.

— Это я поняла уже, — сказала мама, снимая с пиццы начинку. — Хочу знать, что навело тебя на эту мысль. — Матушка вновь посмотрела на меня хитрым взглядом. — Не Андромеда же?

Она точно не была причиной, но стала поводом довести все до самого конца. Особенно в свете открывшихся обстоятельств.

— Эвелина лгала мне и никогда не была беременна от ме-

ня, — проговорил я тяжело, несмотря на то, что мог рассчитывать на ее поддержку всегда.

Мама продолжала жевать медленнее, чем прежде, но глаза ее очень знакомо для меня превратились в ледышки.

— Эта мерзавка изменяла тебе? — спросила она, отшвырнул от себя анчоус, словно он был виноват в чем-то. — Ты знаешь, с кем?

— Нет.

— Тогда с чего ты решил, что она гуляла?

Лучше бы она изменяла мне. Тогда бы я еще понял, что разлюбила, пытаюсь забыть. Но не было объяснения самой первой лжи беременности, кроме одной — Эвелина была и оставалась расчетливой стервой.

— Она никогда не была беременна, мама. Эвелина не может иметь детей из-за грубо проведенного аборта в пятнадцать лет.

Маме стало дурно. Пришлось отпаивать ее корвалолом, но она просила не останавливаться и рассказать ей все до самого конца.

— Она же с животом ходила, Андрей. Пусть он был не большим... Это было подделкой?

— Киношным реквизитом.

— Как же ты узнал обо всем?

— Благодаря новому начальнику безопасности. Прежний не обращал на детектива внимания, потому что я предупредил его о паранойе жены, а нынешний не только не знал, но

заметил и притащил в подвал ресторана.

На Варвару Никоновну это произвело куда меньшее впечатление, чем известие об Эвелине. Словно, в ее мире было нормальным такое. Мол, выбрал профессию – будь готов терпеть ее недостатки.

— Он ведь жив? — спросила она и, опережая ответ, добавила: — Ты заплатил ему за неудобства?

Я кивнул, вспоминая, в каком состоянии был пару дней назад, когда стоял среди сырости и труб, глядя на заморыша, когда гнал в клинику, а потом и в еб*** Чувашию, чтобы переговорить с уехавшим по делам семьи врачом.

Неверие, ступор, бешенство, отупение, а потом и облегчение захватили меня.

Ощущение легкости захватило, дав осознание, что я не обязан этой женщине ничем, как и не виноват перед нею, как и не должен делать что-то во имя того, чего нет.

— Ее же специалист собирал информацию и на нее, припас тузы в рукаве.

Генка, слава Богу, не успел отметить его как следует, как студент «запел» и выложил все.

— Ей сделали липовые документы через родственника в клинике. В Москве произошло то же самое.

— Так они же владеют стоматологией, — уточнила мама, продолжая обмахиваться файлом с документами.

— Не все. Кое-кто подался в другие отрасли и тоже преуспел, став заведующим отделением.

Выкидыши у Эвелины случались в очень удобное время, то есть до первого посещения кабинета УЗИ. Тогда ничто не вызвало у меня подозрений, а сейчас я уверен, что потяни я Эвелину к этому специалисту, то и на этот случай нашлось бы что-то. Запись, например.

— Везде рука руку моет, — бросила мать с отвращением.

Ради чего нужен был этот обман? Только ради положения, денег и достатка.

Если не беременность, мы бы и не поженились. Если не второй залет, то давно бы разошлись. А если я не взял ее в жены и не увез в Москву, то ей пришлось бы пробиваться самой в сфере, где не были сильны родственные связи.

— Все будет хорошо, — сказала мама, обняв меня. — Хорошо, что я настояла на брачном контракте?

Она не ждала ответа, прижимая меня к себе. Но мы оба знали, как она была права все это время, подозревая невестку в черт знает чем.

— Когда поедешь к ней?

— После юриста Павла Аристарховича, — сказал я, потеряв переносицу. — Сейчас нет никакого смысла пытаться поднять ее с кровати.

Обычно в это время суток Эвелина спит после загула в каком-нибудь клубе, в который она пошла, будучи невероятно одинокой, потерянной и несчастной.

— Шеф, насчет того, что вы прислали мне, — начал Шев-

цов без всяких предисловий, когда я ответил на его настойчивый звонок. — Мучнов Валерий Павлович вылетел в Тбилиси вчера вечером, но жены с ним не было. Зато была некая Виктория Борисовна Лосева, незамужняя, имеющая ребенка и живущая на Юго-Востоке столицы.

Я вздохнул, посмотрев на небо, затянутое свинцовыми тучами. Надо ли было искать Андромеду сейчас, когда в жизни творится форменный кошмар?

По уму стоило дать время и себе, и ей, чтобы разобраться с личной жизнью, но эгоист внутри требовал вернуть выпущенное из рук, чтобы вновь почувствовать то, что вечно искал, но не нашел в Эвелине.

— Мне нужна Андромеда Лосева, в смысле Мучнова! Черт бы ее побрал!

— Вообще-то, она Галактионова.

— Как-как?

Я расслышал, что сказал Генка, просто хотел убедиться в сказанном, чтобы через минуту улыбнуться чему-то.

— Найди мне ее, Ген, — попросил, удаляясь от конторы семейного юриста. — Покажи, что умеешь не только людей по подвалам пугать.

— Андрей Генрихович!.. — воскликнул Шевцов со смущением и верно добавил еще что-то, но я уже повесил трубку.

Кто бы мог подумать, что она найдет меня сама... Или правильнее сказать «выследит»? А еще лучше – устроит целую

охоту на меня?

Глава 10

Глава 10. Андрей

— Вы планируете оставлять что-нибудь Эвелине Игоревне? — спросил Павел Аристархович, внимательно выслушав меня. — Должен спросить об этом сейчас, чтобы подготовить документы заранее.

— Ресторан «Дом культуры» в Чебоксарах, — выдал я, не желая возвращаться в этот город больше никогда.

Пусть Эвелина занимается этим кафе, продает или делает с ним, что хочет. Его будет достаточно, чтобы компенсировать все ее неудобства от этого брака.

Я не верю, что говорю это, но ведь этот брак дал нам что-то?

— Это все?

— Автомобиль, тряпки и средства на картах остаются за ней.

Я, как и пообещал, сначала поехал к юристу, но после него поехал не домой. Работа звала, требуя личного присутствия, и так каждый день.

— Что будем делать? — спросил Игорь, глядя, как и я, на испорченные головы пармезана.

Заказанного сыра должно было хватить на полгода, а что на самом деле?

Испорченный продукт, грузовик и встревоженные взгляды

ды поваров.

Что с этим можно было поделаться? Попытаться переработать или выкинуть, но никак не вернуть — фирма сбыла нам остатки и объявила о закрытии.

— Надо присмотреться к белорусам, — проговорил, после того как сказал матом, что я думаю о них. — Будем искать что-то похожее у них.

Все, как всегда, не вовремя. Не то работа лишняя в этом уравнении, не то семья. Вместо того чтобы разводиться, нужно ехать в Белоруссию или наоборот?

— Насколько хватит наших запасов? — поинтересовался я, глядя на «зеленых» грузчиков, уже надышавшихся тухлой молочкой.

— На месяц от силы, — откликнулся Игорь, ткнув на ярлык приложения.

Клевою вещь разработал Березин со своими ребятами. Приложение «Склад» не требует постоянного нахождения у компа, само подает данные о заканчивающихся продуктах и даже не просит вносить сведения у кухонных рабочих, обходясь показаниями весов. Совсем другим человек стал, как женился.

— В этот раз в командировку поедешь ты, Гарик, — выдал я, посмотрев на управляющего ресторана на Патриках, — а я побуду за тебя.

Надо довести эту историю с разводом до конца. Теперь, когда не нужно надеяться ни на что, особенно.

— Ваша жена в зале. Не одна. Просит, чтобы вы вышли к ней.

Удивился ли я тому факту, что Эвелина пожаловала в «Лимончелло»? Разозлился? Расстроился?

Да.

Лина как будто чувствовала приближение звездеца и вновь заговорила о том, как сильно хочет ребенка от меня любым из существующих способов.

— Андрей Георгиевич, этот столик забронировали на шесть.

Хостес волновался, протягивая планшет, словно доказательство своих слов.

— У нас полный аншлаг сегодня.

Он увеличил область экрана, показав на имя клиента — Шахов. Этот нервничает, когда все идет не по плану и приходится делать телодвижения им не предусмотренные.

— Почему не проводил ее на второй этаж? — поинтересовался, бросив взгляд в сторону жены и ее рыжеволосой подруги.

Можно было забыть о волнующей загадке Андромеды. Дело было совершенно не в ней, а в психологии сознания. Почувствовав себя свободным, оно стало смотреть на женщин и выбрало такой типаж, о доступности и легкомысленности которого ходят легенды.

— Эвелина Игоревна ничего не хочет слушать.

Точнее она добивается того, чего хочет, любой ценой.

Не получив ответа на отправленные голосовые, Лина решила спровоцировать разговор самостоятельно и точно знает, что он состоится так скоро, как ей нужно, если она займет лучшее место в зале, в самый проходной день недели и не раньше, чем за полчаса до «часа пик».

Не такая уж и равнодушная и глухая она была все это время, все слушала и запоминала выходит, раз помнит такие детали.

— Ген, подгони машину ко входу, — обратился я к начальнику безопасности, набрав его номер. — Будь готов принять и отвезти домой...

Бросив еще один взгляд в сторону столика, я, сначала желавший отдать распоряжения на счет жены, произнес имя ее спутницы.

Внутри все так и застучало, стоило только рассмотреть огненно-рыжую компанию Эвелины.

Мысли как будто потеряли форму, рассыпавшись на мелкие буквы.

— Куда ее? — спросил Генка, быстро сообразив, что к чему.

— Покатай по городу, — выдал я, делая шаг в центр зала, — и позаботься о ее смартфоне.

Я шел к жене, не обращая на нее никакого внимания. Меня волновала другая женщина за столом. Точнее я думал, во что выльется ее присутствие-появление в моей жизни. Надо ли говорить, что теперь оно не выглядело случайным? Стоит

ли говорить, что я пожалел о том, что не стал слушать все войсы Эвелины? А о том, что я пожалел о проведенной ночи в объятиях этой красотки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.